

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ**

Г.А. КОМАРОВА

**ЭТНОГРАФИЯ ДЕТСТВА:
междисциплинарные исследования**

Москва 2014

*Работа выполнена
в рамках проекта РГНФ № 13-01-00043А*

Комарова Г.А.

Этнография детства: междисциплинарные исследования. Изд. 2-е, доп. М.: ИЭА РАН, 2014. 160 с.
ISBN 5-20114-622-8

Книга представляет собою обновленное и дополненное издание выпуска «Этнография детства» серии «Отечественная этнология как практика междисциплинарных исследований». Она посвящена этнографии детства - научной дисциплине, возникшей на стыке отечественной этнографии/этнологии и ряда смежных с ней наук. Предназначается для широкого круга ученых - обществоведов, преподавателей, студентов и всех интересующих этнографией, этнологией, социальной и культурной антропологией, другими отраслями гуманитарного знания.

ISBN 5-20114-622-8

© Г. А. Комарова, 2014

© Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
РАН, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Профессиональная интеграция, взаимовлияние и методико-методологическое взаимообогащение этнографов и представителей смежных наук (истории, археологии, физической антропологии, демографии, лингвистики, географии, социологии и др.) традиционно составляли важную особенность отечественной этнографии/этнологии (Комарова 2012). Более того, наиболее прогрессивные члены научного сообщества неизменно полагали, что «этнография - дисциплина, обладающая огромным тематически разнообразнейшим материалом, может и должна служить источником для ряда различных отраслей науки» (Косвен 1946: 227). Развитие междисциплинарных научных направлений в отечественной этнографии было предметом постоянного академического внимания. В частности, Сергей Павлович Толстов, бывший с 1943 по 1965 гг. директором головного (главного) в СССР академического учреждения - Института этнографии АН СССР, настойчиво призывал «...развивать те отрасли науки, которые связаны с этнографией и позволяют представить происхождение и жизнь народов». И неслучайно ещё в период его руководства «институт стал этим славиться» (Тишков 1995: 94). В эти годы постоянно отмечалось, что «этнография, сохраняя определенную специфику методики,

вносит свой вклад в разрабатываемое комплексом обществоведческих наук понимание процессов, происходящих в общественной жизни современных народов». И в целом, ведущие отечественные социогуманитарии также были убеждены, что в советской науке «...имеется не только методологическая, но и конкретно-историческая основа для сотрудничества и координации усилий обществоведов различных специальностей» (Альтман, Куманев 1964:252-253).

Юлиан Владимирович Бромлей, сменивший С.П.Толстова и руководивший ИЭ АН СССР с 1966 по 1989 гг., разделял мнение о том, что «специфика предмета этнографии приводит к тому, что у неё нет зон, разделов знания, которые не пересекались бы с какой-либо из смежных наук, позволяющих углубить познание этнически особенного» (Бромлей; Шкаратан 1969:18). Ю.В. Бромлей и его единомышленники полагали, что «поскольку познавательные задачи этнографии требуют исследования не какой-либо одной конкретной сферы жизни народа, а всех сфер, в которых находит проявление этническая специфика, постольку этой науке присущ комплексный подход и применение многообразных приёмов изучения общества, созданных в различных науках» (Бромлей; Шкаратан 1969:7). В результате в советской социогуманитаристике 1960 - 1980-х гг. сложилось и господствовало представление о том,

что «все крупные обществоведческие проблемы наших дней являются комплексными» (Бромлей; Шкаратан 1969:3).

Процессы междисциплинарной интеграции этнографии/этнологии со смежными науками и формирования на их основе таких новых научных направлений, как этносоциология, этнодемография, этническая география, этноэкология, этническое картографирование, этнография детства, этническая ономастика, этноархеология, лингвоархеология, этноэкономика, этнолингвистика, этнопсихология, этнохореография, этномедицина, этномузыкология, историческая антропология и др., наиболее активно развивались в 1960-80–е годы минувшего века и, прежде всего, это происходило в Институте этнографии АН СССР (ныне ИЭА РАН). Комплексная разработка проблем первобытного общества, успешно проводимая в 1970 - 80-х годах в ИЭ АН СССР, по сути своей также представляла особое междисциплинарное направление. И в целом можно привести множество примеров того, как в 1960 - 90-е годы большинство сотрудников ИЭ АН СССР постоянно соприкасались с феноменом междисциплинарности в этнографии/этнологии. Вся атмосфера и научная жизнь в институте тех лет были пронизаны идеями междисциплинарного подхода, а любая обществоведческая проблематика требовала комплексных исследовательских подходов.

Опыт междисциплинарных исследований в отечественной этнографии велик и разнообразен. И он уже достаточно широко представлен в российских исследованиях (С.А. Арутюнов, Н.Н. Чебоксаров 1972; Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева 1973; 1981; Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов 1999; 2007; А.А. Белик 1998; 2000; Ю.В. Бромлей 1973, 1977; 1981; Ю.В. Бромлей, О.И. Шкаратан 1969, 1978; С.И. Брук 1964, 1978; С.И. Брук, В.И. Козлов, М.Г. Левин 1963; С.И. Брук, М.Г. Рабинович 1964; Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин 1976; М.Н. Губогло 1979; 1984; 1993; 2002; 2004; Р.Ш. Джарылгасинова, А.Р. Садокова 1995; Л.М. Дробижева 1976, 2001, 2004, 2006; В.И. Козлов 1973, 1982, 1994, 2006; Г.А. Комарова 1980, 1985, 1989, 2002, 2005, 2008, 2009, 2010; И.С. Кон 1983, 1992, 2006; 2007; А.Ю. Милитарев, И.И.Пейрос, В.А. Шнирельман 1988; П.И. Пучков 2007; С.В.Соколовский 1993, 2003; В.С. Степанов 2006, 2007; В.А. Тишков 1993, 1995, 1996, 1997, 2001, 2008; Н.А. Томилов 2001; 2004; 2005; В.А. Шнирельман 1979; 1984; 1989; 1991; А.Н. Ямсков 1989; 2006; и др.). Следует также упомянуть ряд концептуально важных коллективных сборников, изданных в ИЭ АН СССР в 1960 - 80-х гг. и посвященных новаторским исследованиям междисциплинарного характера сотрудников Сектора общих проблем, Сектора по изучению истории первобытного общества, Сектора этнографии

народов Севера и ряда других подразделений ИЭ АН СССР, а также их коллег из других городов и регионов СССР.

Серия работ, посвященных феномену междисциплинарности в отечественной этнографии и подготовленных мною в рамках проекта РГНФ - это своеобразная попытка, оглянувшись в прошлое, осмыслить его и вспомнить пока еще не очень давние, но уже многими забываемые страницы истории отечественной этнографии/этнологии (Комарова 2003; 2004; 2007; 2010; 2012; 2013).

Данная работа представляет собою обновленное и дополненное издание выпуска «Этнография детства: междисциплинарные исследования» серии «Отечественная этнология как практика междисциплинарных исследований». Она посвящена этнографии детства - научной дисциплине, возникшей на стыке отечественной этнографии/ этнологии и ряда смежных с ней наук. И этот текст (в череде предыдущих) я рассматриваю, как еще одну возможность не только описать и оценить наиболее яркие междисциплинарные направления, возникшие в лоне отечественной этнографии и получившие свое развитие во второй половине XX века - начале XXI века, но и вспомнить имена тех больших ученых, кто, посвятив всю свою жизнь науке, не ограничивался повторением пройденного в ней, а постоянно раздвигал ее границы, рас-

ширяя старые и создавая новые исследовательские поля. По моему глубокому убеждению, открытия в науке, как правило, делает именно тот ученый, кто раздвигает рамки своих исследовательских направлений. Мне, этнографу по университетскому образованию, посчастливилось общаться и работать со многими из тех известных ученых, кто стоял у истоков, формировал и развивал различные междисциплинарные научные направления в советской этнографии. Это были не только этнографы по своему базовому образованию, но и социологи, историки, археологи, антропологи, географы, востоковеды, философы, математики, лингвисты, фольклористы, психологи и многие другие специалисты, которых объединяла любовь к этнографии и преданность науке. В подавляющем своем большинстве это - широко образованные профессионалы, талантливые эрудиты, интересные глубокие личности. И я неоднократно убеждалась, в том числе и на собственном опыте, насколько интересной и плодотворной может быть кооперация исследователей с разным базовым образованием, но прошедших общий путь становления того или иного междисциплинарного направления, создававших единую научную школу и долгие годы плодотворно работавших над совместными интердисциплинарными проектами.

Мой личный интерес именно к этнографии детства вовсе не случаен. Так сложилось, что в пери-

од обучения в аспирантуре ИЭ АН СССР (ныне – ИЭА РАН) мне пришлось разрабатывать две кандидатские диссертации: «Проблема социализации детей и подростков в прибалтийских республиках» и «Роль фактора пола в этнокультурном процессе». Обе работы носили междисциплинарный характер и, как показало время, их тематика была очень актуальной и перспективной. Однако в те времена первую тему моей уже практически готовой кандидатской диссертации «Проблема социализации детей и подростков в прибалтийских республиках», к величайшему сожалению, в одночасье «закрыли» в связи со сменой научного, секторального и институтского руководства. Тем не менее, и опубликованные (Комарова 1972; 1980; 1981; 1982; 1983; 1985; 1986) и неопубликованные результаты разработки этой темы так же, как и материалы этносоциологического обследования детей и подростков, проведенного по специально разработанной «детской» анкете в Литве, послужили основой для моей дальнейшей работы в области этнографии детства (Комарова 1986а; 1989; 1999; 2002). В частности, в 1980-е годы я работала с детьми в Чувашии и Башкирии (Комарова 1985; 1989; 1995); в 1990-е гг. обследовала детей и подростков, проживающих в зоне повышенной радиации на Южном Урале (Комарова 1994; 1996; 1997; 1999; 2000; 2001; 2002; Komarova 1996; 2001; 2002; 2003); в 2000-е годы проводила опрос

детей русскоязычных мигрантов в США (1999-2000), в Израиле (2003), в Японии (2000/2001, 2004/2005), в Финляндии (2010; 2013). Кроме того, полученные в этой области исследований знания и навыки позволили организовать в 1987-1991 гг. в стенах ИЭ АН СССР работу первого в своем роде (к тому же официально несанкционированного) междисциплинарного научного семинара «Гендер и возраст в современных этнокультурных процессах» (руководители - Г.А. Комарова и В.А. Шнирельман). В его работе в течение четырех лет активно участвовали историки, социологи, физические антропологи, этносоциологи, психологи и, конечно же, этнографы, в том числе и будущие «гендеристы», образовавшие в 1990-е гг. в лоне ИЭА РАН сектор гендерных исследований (Комарова 1990).

Очень важным было то, что в период наиболее интенсивных занятий детской проблематикой мне довелось не только «штудировать» работы ведущих отечественных исследователей этнографии детства (И.С. Кона, Т.А. Бернштам, Г.В. Старовойтовой, Н.А. Бутинова и др.), но и получить интересный и полезный опыт профессионального общения с ними. И в связи с этим, хотелось бы особо подчеркнуть тот несомненный факт, что в отечественном научном сообществе профессиональных этнографов/антропологов всегда были (и, надеюсь, всегда будут) ученые, чьей

принципиальной научной позицией служит междисциплинарность в области социальных наук, продвижение современных исследовательских практик смежных дисциплин, активный диалог и дискуссии между представителями разных наук, научных направлений, школ и подходов. К величайшей печали, после кончины родоначальника отечественного междисциплинарного направления - этнография детства - всемирно известного российского ученого Игоря Семеновича Кона осиротело и оказалось обезглавленным не только это российское исследовательское поле, но и еще целый ряд отечественных междисциплинарных научных направлений.

Да и в целом, нельзя не заметить, что внимание большинства российских ученых - этнографов/этнологов/антропологов к проблеме междисциплинарного подхода в научном исследовании, в постсоветские годы стало заметно угасать и сокращаться. В итоге научные направления, возникшие на стыке этнографии и ряда смежных наук, ныне уже не занимают столь существенного положения в предметной области современной российской социально-культурной антропологии, как это было в отечественной этнографии/этнологии второй половины XX века. Количество трудов, освещающих проблему междисциплинарности в этнографии, в последние два десятилетия резко сократилось. А работ, посвященных вопросам продвижения совре-

менных исследовательских практик смежных дисциплин, активному диалогу и дискуссии между представителями разных наук, научных направлений, школ и подходов, и особенно опыту и судьбе междисциплинарной интеграции этнографии со смежными науками и формирования на их основе новых научных направлений, практически нет.

Исключение составляют лишь отдельные коллективные сборники, посвященные юбилеям известных основателей того или иного междисциплинарного направления, и научно - мемуарные публикации выдающихся отечественных этнографов/этнологов/антропологов: В.А. Александрова, В.П. Алексеева, С.А. Арутюнова, Е.П. Бусыгина, С.И. Вайнштейна, И.С. Кона, М.Г. Рабиновича, С.А. Токарева, К.В. Чистова и других ученых, активно и плодотворно разрабатывавших в 1960-80-е гг. важный и весьма перспективный не только для отечественной, но и для всей мировой науки междисциплинарный исследовательский подход.

Необходимо отметить и высоко оценить эти, к сожалению, весьма немногочисленные работы институтских коллег и представителей нашего профессионального сообщества, которые нашли время и силы, чтобы, оглянувшись назад, интересно, живо и вместе с тем достойно и академично описать, проанализировать состояние нашей науки в прошлом и наметить пути её дальнейшего развития. Они различны в жанрово - стилевом отношении, но

объединены стремлением авторов не только и не столько рассказать о своем времени и о себе, сколько ощутить себя и своих современников, ставших участниками и свидетелями достижений и трагических потрясений XX века, в постсоветских условиях; определить не столько своё место на стыке веков и на сломе эпох, сколько показать роль и предназначение своей любимой науки, которой многие из них посвятили всю свою жизнь. Подобные научно-мемуарно-публицистические исследования помогают выявить четкие ориентиры в предлагаемых обстоятельствах и выстроить координаты в новых трансформационных процессах.

Важную и очень нужную работу проводит в этом направлении академик В.А.Тишков, создающий серию интервью с патриархами отечественной этнографии: С.А. Арутюновым, С.И. Вайнштейном, С.И. Бруком, Е.П. Бусыгиным, Л.И. Потаповым, Т.А. Жданко, К.В. Чистовым. (Тишков 2008). «Эти интервью – своего рода попытка саморефлексии в рамках собственной дисциплины... Исповедуя своего рода методологический индивидуализм и предрасположенность к научным инновациям, - пишет В.А.Тишков, - я всегда считал одним из принципов научной деятельности внимание к вопросам научной преемственности и воздание должного вклада в науку представителей старшего поколения. Именно по этой причине мною были выполнены серии разговоров-интервью с вы-

дающимися представителями отечественной этнологии» (Тишков 2001:17). Представляется крайне необходимым продолжать и расширять подобные исследования, составляющие, на мой взгляд, хотя и трудоёмкое, но весьма перспективное и полезное для нашего профессионального сообщества направление в антропологии академической жизни.

На фоне резкого сокращения междисциплинарного пространства в отечественной этнографии/этнологии/антропологии последних двух десятилетий особенно важна и необходима работа по сохранению и развитию междисциплинарного подхода в современной науке. Отсутствие интереса к проблеме интердисциплинарного подхода в научном исследовании особенно типично для наших молодых коллег, зачастую даже не знакомых с междисциплинарными направлениями в отечественной этнографии. Хотя общеизвестно, что каждое новое поколение ученых может и должно работать, опираясь на опыт всех предшествующих поколений. Ведь каждая научная концепция, идея или даже отдельный, но очень важный факт, будучи освоенными, вызывают к жизни новые циклы научных работ, развивающих, проверяющих или даже отрицающих ранее выдвинутые положения и введенные в научный оборот факты. Но чтобы объективно оценить состояние той или иной науки, обязательно нужен взгляд в прошлое. И при этом трудно не согласиться с известным ученым и мыслителем наших

дней О.И. Яницким, утверждающим, что «нельзя написать научную статью, не обзрев всё, что сделано в этой области до тебя. И это не реверанс, не отписка, а тяжкий труд, поскольку, чтобы критически оценить чей-то вклад, ты должен знать много больше упоминаемых тобою авторов - нужна точка отсчета, объемлющая концепция» (Яницкий 2002:152).

Важно не просто всестороннее изучить и описать важнейшие достижения междисциплинарного подхода в этнографии, а исследовать опыт взаимовлияния и показать грани интеграции отечественной этнографии/этнологии второй половины XX века и междисциплинарных научных направлений, возникших на стыке ее и ряда смежных наук. С этой целью следует, во-первых, оценить те исторические реалии и тот социальный контекст, в которых происходило формирование и развитие того или иного научного направления. Во-вторых, представляется весьма перспективным не только сохранять и шлифовать важнейшие, с точки зрения этнографии, методы исследования: неструктурированное включенное наблюдение и нарративное интервью, но в дополнение к традиционным этнографическим методам шире использовать методики, разработанные в социологии, психологии, статистике, демографии и в других науках, составляющих различные междисциплинарные направления, чьи достижения общепризнаны и проверены временем и научным сообществом.

ществом. В-третьих, необходимо выявить и изучить факторы, позволяющие сохранять и развивать накопленный опыт, методологию и научные идеи междисциплинарного знания. История и развитие смежно-отраслевых научных дисциплин при этом должны рассматриваться как процесс научного познания.

Ныне считается «хорошим тоном» подвергать без разбора суровой критике всё, что происходило в отечественной науке в советские времена. Безусловно, профессиональная критика в любом деле нужна и полезна. Но именно профессиональная конструктивная критика с учетом исторического контекста, тех исторических реалий, в которых происходило формирование и развитие того или иного нового научного направления. Важно не попасть под ложное обаяние разочарованных в объяснительной силе социальных наук и в запале не «выплеснуть ребенка вместе с водой»: не растерять накопленный опыт, методологию, научные идеи, сохранить школу.

Знание истории формирования и развития междисциплинарных научных направлений, учет и использование опыта научной интеграции и междисциплинарной кооперации ученых в проведении совместных научных исследований, их взаимного использования методик в научной практике и т.п., и сегодня как никогда актуальны. Радикальные изменения, происходящие в постсоветской России, есте-

ственно, самым существенным образом затрагивают всех россиян, в том числе и ученых. И для того, чтобы отечественная наука соответствовала реалиям времени и была востребована современным обществом, круг её исследовательских проблем может и должен постоянно обновляться. Интеграция наук в этом процессе может оказать неоценимую помощь, т.к. грамотное использование междисциплинарного подхода способно даже в многократно клонированной тематике высветить и исследовать новые актуальные проблемы. Абсолютно прав известный отечественный антрополог Н.Б. Вахтин, ратующий за междисциплинарное образование представителей различных дисциплин социогуманитарного блока и, прежде всего, членов нашего профессионального сообщества и считающий, что «...отсутствие такого образования для этнографов (или как минимум его недостаточная развитость и распространение) и есть... основное препятствие на пути к продуктивным исследованиям в нашей науке» [Вахтин 2005:26].

Зная и уважая, но вместе с тем, не разделяя мнение отдельных коллег, утверждающих, что «расширение рамок предмета этнографии разрушает эту науку» (Басилов 1992), я уверена, что расширение границ традиционной этнографии и сближение ее со смежными науками - тенденция современного познания мира. И полагаю, что междисциплинарный подход к исследованию многих и мно-

гих проблем нашей науки весьма перспективен на сегодняшний день. Во-первых, практически любое современное антропологическое исследование, как правило, включено в широкий социально-политический контекст, и их программы формируются под воздействием и с учетом междисциплинарных стимулов. Во-вторых, в наши дни условия и способы проведения этнографических полевых исследований меняются самым кардинальным способом. А в современной науке все передовые исследовательские методологии и методики в значительной мере междисциплинарны. В-третьих, целый ряд тем и дискуссий прошлого уже становятся «историографией», а новые темы и направления возникают обычно в ходе междисциплинарных, а не внутридисциплинарных дискуссий. Таким образом, междисциплинарность в отечественной этнографии/этнологии по-прежнему актуальна.

Проблема интеграции и взаимовлияния не только отечественной, но и в целом мировой этнологии и смежных с ней дисциплин имеет давнюю историю. И она очень непроста: специалисты то разграничивают предметы исследований; то заимствуют друг у друга знания и методы. Но главное, в чем прогрессивные ученые, выступающие за расширение этнографической практики и зон междисциплинарных исследований, единодушны, - это понимание «силы антропологического подхода», позволяющего исследователю «уви-

деть вещи в их взаимоотношении вместо того, чтобы рассматривать их по отдельности» (Comaroff John and Comaroff Jean 1992:48). Такой подход особенно важен для комплекса социогуманитарных наук и, прежде всего, для социокультурных антропологических исследований.

В связи с вышесказанным уместно также напомнить слова классика отечественной этнографии С.А.Токарева: «Для понимания задач этнографии как науки, важен правильный взгляд на взаимоотношения её со смежными науками и - ещё более - умение правильно сочетать данные этих наук. В принципе все признают необходимость тесной увязки этнографического материала с данными археологии, антропологии, лингвистики, письменной истории. Но одно дело - признавать, а другое - уметь практически применять, разрабатывать, комбинировать материал этих смежных, но самостоятельных наук. Для этого надо его, прежде всего, хорошо знать, а это требует незаурядной эрудиции одновременно в нескольких науках. Помимо этого, сам метод сочетания данных, заимствованных из разных наук, требует особой разработки. Все это по плечу только деятелям передовой науки, а не людям академической рутины» (Токарев 1999:86).

Литература

Альтман, В.В., Куманев, В.А. (ред.)

- 1964 История и социология. М.: Наука. 342 с.
- Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М.
- 1981 Этносоциологические исследования в СССР// Социс. 1: 64-70.
- Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М., Сусоколов, А.А.
- 1999 Этносоциология. М.: Наука.
- Бромлей, Ю.В.
- 1973 Этнос и этнография. М.: Наука.
- Бромлей, Ю.В.
- 1981 Современные проблемы этнографии. М.: Наука. 390 с.
- Бромлей, Ю.В., Шкаратан, О.И.
- 1969 О соотношении истории, этнографии и социологии// СЭ 3:3 -19.
- Бромлей, Ю.В., Шкаратан, О.И.
- 1978 О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии//СЭ 4:3-18.
- Брук, С.И., Козлов, В.И., Левин, М.Г.
- 1963 О предмете и задачах этногеографии// СЭ 1:11-25.
- Брук, С.И., Рабинович, М.Г.
- 1964 Историко-этнографические атласы// СЭ 4:102-117.
- Брук, С. И. (ред.)
- 1978 Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука.
- Бусыгин, Е.П., Зорин, Н.В.
- 1976 Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань.

Г. А. Комарова

Вахтин, Н.Б.

2005 Интервью редколлегии АФ// Антропологический форум. СПб., 2005:22-26.

Губогло, М.Н.

1979 Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Кишинев.

Губогло, М.Н.

1984 Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М.: Наука.

Губогло, М.Н.

1994 Язык и национализм в постсоветских республиках М.: ИЭА РАН.

Губогло, М.Н.

2002 К изучению проблемы адаптации населения в условиях общественных преобразований в постсоветской России//Отечественная история 6: 110 – 129.

Губогло, М.Н. (ред.)

2004 Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.:Наука.

Джарылгасинова Р.Ш., Садокова А.Р.

1995 Р.Л. Садоков и проблемы музыкальной археологии// ЭО 1: 102-113.

Дробижева, Л.М.

1976 Этносоциологическое изучение современности// Расы и народы 6: 64-73.

Дробижева, Л.М.

2001 Интервью Л.М. Дробижевой, данное Г.С. Батыгину. (<http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj4-01drob.html>).

Дробижева, Л.М.

2004 Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований/М.Н. Губогло (ред.) Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука. С.14 - 25.

Дробижева, Л.М.

2006 Методологические проблемы этносоциологических исследований// Социологический журнал. № 3-4.

Козлов, В. И. 1982 Этническая демография. М.: Мысль.

Козлов, В. И. 1994 Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М.: ИЭА РАН.
Козлов, В. И. и др.

2006 Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М.:ИЭА РАН. 250 с.

Комарова, Г.А.

1972 Традиции воспитания абазинских детей// Традиционная культура народов СССР. Л.:ЛГУ, с. 82 – 98.

Комарова, Г.А.

Г. А. Комарова

1977 Взаимосвязь музыкальных культур народов СССР// Этнографическое обозрение.1977. № 4:158-161.

Комарова, Г.А.

1980 О понятии «этнопедагогика» в советской этнографической и педагогической науке/ Изучение преемственности этнокультурных явлений. М.: ИЭ АН СССР. С. 203-212.

Комарова, Г.А.

1981 Рец. на: M.Koller, W.Oskar. Sociology of Childhood. Prentice Hall, 1978 //Расы и народы 11:С. 284–286.

Комарова, Г.А.

1982 Программа исследования «Проблемы социализации детей и подростков в современной Литве». М.: НАИЭА РАН. 38 с.

Комарова, Г.А.

1983 Игры современных литовских детей. М.: НАИЭА РАН. 24 с.

Комарова, Г.А.

1985 Рецензия на: «Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов восточной и юго-восточной Азии». Отв. Ред.- И.С. Кон. М., Наука, 1983// Этнографическое обозрение. 1985. № 2. С. 158-161.

Комарова, Г.А.

1986 Рец. на: «Игры народов СССР»// Советская этнография № 5.

Комарова, Г.А.

1988 Современная чувашская женщина в семье и в обществе (на материалах массовых обследований в ЧАССР). М.: ИЭ АН СССР.

Комарова, Г.А.

1990 Международный семинар ООН по статистическому изучению семьи и семейного бюджета//Советская этнография № 4:147-149.

Комарова, Г.А.

1994 Женщина в условиях повышенной радиации // Женщина и свобода. М.:Наука.

Комарова, Г.А.

1999 Влияние радионуклидного фактора на семейно-брачные отношения// Семья на пороге III-го тысячелетия. М.,Наука.1999.

Комарова, Г.А.

2002 Предтеча Чернобыля: этнокультурные аспекты экологической катастрофы на р. Теча. М.:ИЭА РАН. 380 с.

Комарова, Г.А.

2003 Этнокультурные аспекты техногенной катастрофы (на материалах обследования населения Южного Урала). М.:ИЭА РАН.

Комарова, Г.А.

2004 Этнический аспект экологизации гуманитарного знания. В: М.Н.Губогло (ред.) Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. 2004.М.: Наука. 120-153

Комарова, Г.А.

Г. А. Комарова

2004а Воспитание детей в первобытном обществе/
Педагогическая энциклопедия. М.: Российская энциклопедия.

Комарова, Г.А.

2005 Этническая социология как междисциплинарное направление в советской этнографии// Bulletin of the National Museum of Ethnology. № 30(1):121-139.

Комарова, Г.А.

2009 Междисциплинарная интеграция отечественной этнографии и этносоциологии/ Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества. Казань: ИИ АН РТ. С. 42-52.

Комарова, Г.А.

2010 Этнография детства: междисциплинарные исследования (1960-80 – е гг.). Изд.1. М.:ИЭА РАН.

Комарова, Г.А.

2012 Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этнографии и этносоциологии. М.:ИЭА РАН. 208 с.

Комарова, Г.А.

2012 Сила антропологического подхода// Антропологический форум. 2012. № 17. С. 267-302.

Комарова, Г.А.

2012 Академическая жизнь: поле междисциплинарных исследований// Исследования по прикладной и неотложной этнологии / Ин-т этнологии и антропологии РАН. Т. 229. Москва, ИЭА РАН.

Кон, И.С. (ред.)

1983 Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука.

Кон, И.С.

1995 Несвоевременные размышления на актуальные темы// ЭО 1: 3-8.

Кон, И.С.

2006 Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов-на-Дону: Феникс 605с .

Косвен, М.О.

1946 Проблемы воспитания и психологии ребенка в свете этнографического материала// СЭ 2:227.

Коростелев, А.Д.

2006 Историко-статистические источники компьютерного атласа. В: Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии. М.:РУДН с.28-48.

Кром, М.М. (отв. ред.).

2006 История и антропология. СПб.:Алетейя. 315 с.

Крупник, И.И.

1977 Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: к методике изучения этноэкологических систем. М., НА ИЭА РАН.

Милитарев, А.Ю., Пейрос, И.И., Шнирельман, В.А.

1988 Методические проблемы лингвоархеологических реконструкций этногенеза//СЭ 4:24-38.

Пучков, П.И.

2007 Конфессиональное картографирование в России // ЭО 4:37-43.

Соколовский, С.В.

1993 Этнографические исследования: идеал и действительность// ЭО 2 - 3.

Соколовский, С.В.

2003 Четверть века российской антропологии: 1975-2000// Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып.9. С. 136-159. М.

Степанов, В.В.

2006 О методах этнического картографирования высокой подробности/ Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии. М.:РУДН с. 49-62.

Степанов, В.В.

2007 Вместо введения. В защиту этнической статистики// ЭО 5:32.

Тишков, В.А.

1995 Нелишне узнать из первоисточника (с бывшим зам. директора ИЭ АН СССР С.И. Бруком беседует В.А.Тишков)// ЭО 1: 89-101.

Тишков, В.А.

2001 Интервью с профессором В. Тишковым// Этнопанорама 4: 68-75.

Тишков, В.А.

2004 Авторитеты и преемственность в науке: вместо заключения// Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи. М.:Наука.С.688-692.

Тишков, В.А.

2008 Размышления об итогах жизни: беседа с С.И.Вайнштейном. ЭО 2:70-86.

Тишков, В.А.

2008 Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетейя. 176 с.

Токарев, С.А.

1999 Избранное. М.:ИЭА РАН, 1999.Т.1. 232 с.

Чистов, К.В.

2006 Забывать и стыдиться нечего. Воспоминания. СПб.: МАЭ РАН. 240 с.

Чистов, К.В., Комарова, Г.А.

1983 Цікаве монографічне дослідження// Народна творчість та етнографія 4:73-77.

Шнирельман, В.А.

1984 Этноархеология - 70-е гг.// СЭ 2:100-113.

Шнирельман, В.А.

1989 Этнокультурные заимствования и лингвистический процесс (некоторые методологические аспекты)// Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М.

Шнирельман, В.А.

1991 «Диффузия идеи», кризисы и хозяйственная динамика в традиционных обществах (к постановке вопроса)// СЭ 2:17-28.

Ямсков, А.Н. и др.

2006 Междисциплинарные исследования долгожительства абхазских сельских популяций на рубеже 1970-1980-х гг. и в начале 2000-х гг. В: Современ-

Г. А. Комарова

ная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М.:ИЭА РАН. 250с.

Comaroff, John and Comaroff, Jean.

1992 *Ethnography and the Historical Imagination*//*Ethnography and the Historical Imagination*. Boulder. P.3-48.

Komarova, G.A.

1996 *Uralský "Černobyl"*: Problémy etnoekologické adaptace // *Český lid* 84:1 Praha.

Komarova, G.A.

2001 *Muslimovo Syndrome: To be alive on the Dead River*// *Bulletin of the National Museum of Ethnology*. Vol. 26, #2. Osaka.

Komarova G. A.

2002 *Ethnic behavior under conditions of high radiation*// *Inner Asia*. 2000. #2. 1 а. л.

Komarova, G.A.

2002 *Sieria techa gawa ryuuiki no housanouosen*. In: Akimichi, Tomoya and Kishigami, eds. *Hunsou no Umi: susan sigen kannri no jinruigaku*. Kyoto: Jinbun-Shoin: 237-294. 2002. (на яп. языке).

Komarova, G.A.

2003 *Ethnic and confessional aspects of the of survival in the area affected by the radioactive accident at the "Maiak" nuclear complex*// *CIS Environment and Disarmament Yearbook*. Jerusalem, Pp. 1-33.

Komarova G. A., Garb P.

1999 History of environmental activism in Chelyabinsk // In Russell J. Dalton et al.(eds.) Critical masses: citizens, nuclear weapons production and environmental destruction in the United States and Russia. Cambridge, Mass.: The MIT Press 1999.

Комарова Г.А.. Гарб Р.

2001 Victims of «Friendly Fire» in Russia's Nuclear Weapons Sites// Peluso N. and Watts M. (eds.) Violent environments. Berkeley, Cornell University Press. 453 p.

Глава I

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ МИРА ДЕТСТВА

Англо-американское издание «Children in historical and comparative perspective», давая в 1991 году подробный историографический обзор всех европейских исследований мира детства на различных языках, сообщает: «В России не существует истории детства. И сами русские, и иностранцы, занимающиеся ее изучением, если и обращали внимание на детство как на предмет исследования, то лишь мимоходом» (Children ... 1991:471). Так ли это? Справедливо ли мнение о том, что в конце XX века наши отечественные исследователи не изучали мир детства, а если и обращали внимание на него, то лишь попутно?

Если бы речь шла о ситуации в российской этнографии конца XIX – начала XX вв., подобный вывод был бы в целом корректен. Конечно же, во многих обобщающих трудах, посвященных народному быту, встречаются материалы, посвященные воспитанию детей, обычаям и обрядам

детского цикла, детским играм, детскому фольклору и т.д. Однако нельзя не заметить, что отечественная этнография XIX - начала XX вв., как правило, включала проблемы воспитания и социализации детей и подростков лишь в общее описание традиционных форм жизни и поведения у разных народов и в описание повседневности. Однако в целом российские этнографы не проявляли достаточного внимания к проблемам народных представлений, путей и средств воспитания и обучения детей.

В общих этнографических описаниях той поры встречались отдельные замечания, сведения о детях "отсталых" народов. Но, исходя, как правило, из принципов классического эволюционизма, дореволюционные исследователи расчленяли культуру народа на отдельные элементы и, детально описывая их, менее всего интересовались местом и ролью этих элементов в общей системе культуры, их соотношениями, описывая отдельные части культуры вне их связи с целым. Например, подробно описывались условия и обстановка родов, способы ношения или укутывания ребенка, детская люлька, детские игры и игрушки, детский цикл обычаев и обрядов и т. п. Однако положение детей в семье и в обществе, их взаимоотношения со взрослыми, вся общественная сторона проблемы детства обычно не были объектом специального анализа. В дореволюционной российской науке

целенаправленные исследования в этой области знания проводили лишь немногочисленные ученые: Е.А. Покровский, В.Н. Харузина, Н.Н. Харузин, В.В. Богданов. Неслучайно В.Н. Харузина сделала вывод о том, что в русской дореволюционной этнографической литературе "мир детей пользовался незаслуженным пренебрежением" (Харузина 1912:85).

В 1920-е гг. советские этнографы включили изучение воспитания детей в программы своих полевых исследований, выдвинув исследование народной педагогики, детского фольклора и т.д. в качестве важных научных направлений (Виноградов 1925, 1926; Заглада 1929; Капица 1928). Подобный всплеск интереса к детской проблематике был обусловлен задачей "создания человека будущего", который должен был кардинально отличаться от "человека прошлых веков". "Вращивание новых поколений" было невозможно без изучения познавательных и творческих особенностей ребенка и его психики, способов формирования личности и механизмов ее социализации» (Морозов 2009:197).

Но даже специализированные отечественные исследования отдельных аспектов мира детства в 1920-е гг. принесли мало результатов. Во всяком случае, широкой научной общественности они остались неизвестными.

Конечно, можно говорить о том, что трудности изучения мира советских детей в 1920-30-е гг. состояли в том, что не был установлен предмет исследования и не определены его содержание, источники, методы разработки и т.д. Однако это была не единственная и далеко не основная проблема. Главная причина, из-за которой в те годы было невозможно вести комплексные исследования мира детства, носила скорее не методико-методологический, а политический характер и затрагивала практически всю советскую науку, в том числе этнографию, социологию, психологию, педагогику и другие науки, на стыке которых было возможно междисциплинарное исследование мира детства.

Эта тема требует специального рассмотрения. И она не является задачей данного исследования. Однако необходимо отметить, что интерес к комплексным исследованиям народов был традиционен для дореволюционной отечественной социально-исторической науки. Свидетельством тому могут служить труды С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, А.П. Щапова и других исследователей. Даже после Октябрьской революции, когда изучение народов велось лишь под лозунгом «перестройки быта на социалистических началах» и имело в основном практическую направленность, унаследованный от классического эволюционизма взгляд на науку о народах как всеобъемлющую,

ещё какое-то время сохранялся. Неслучайно в 1925 году факультет общественных наук МГУ был преобразован в этнологический факультет, и в его учебных курсах духовная и материальная культура рассматривались в контексте социальной жизни (Преображенский 1929). Но в начале 1930-х гг. после бурных дискуссий этнология превратилась в этнографию и обрела статус отрасли исторической науки. В 1930-е гг. она была низведена до изучения пережитков первобытно-общинного строя методом этнографического наблюдения. Приоритетным научным направлением в советской этнографии стало монографическое описание этнографически малоизученных или неизученных народов СССР. В результате долгие годы этнография в СССР воспринималась как наука об архаике, и вплоть до 1960-х гг. о её соединении с другими научными подходами не могло быть и речи.

Подобное наблюдалось и в социологии. Как известно, соединение социологической теории с эмпирией шло в России с 1890-х годов. Два наиболее сильных течения социологической мысли в России – позитивизм и марксизм – до начала XX века сосуществовали достаточно мирно. Но с победой Октябрьской революции и установлением советской власти ситуация кардинально изменилась. После короткого периода оживления социологии в 1920-е гг. надежды нового режима на её воссоединение с марксистским социализмом не

оправдались, в результате чего в СССР началось размежевание между «марксистскими» и «буржуазными» социологами. Вскоре многие из «буржуазных» социологов подверглись репрессиям или покинули страну. Марксистская социология была официально объявлена единственным научным направлением социологии, а к середине 1930-х гг. и она оказалась поглощена историческим материализмом.

В результате на протяжении почти 30 лет российская социология находилась в условиях фактического запрета. Фундаментальные и прикладные исследования были прекращены. Развитие эмпирически обоснованной социологии, объективно изучающей социальную действительность, было прервано на долгие годы. Эмпирические данные были сведены к официальной статистике, а социологическая теория – к историческому материализму. Лишь в 1960-е гг. в СССР появились первые профессионально выполненные эмпирические исследования, ориентированные на разработку фундаментальных проблем социального развития советского общества (Ядов 1998; Кукушкина 2004).

Столь же печальная ситуация сложилась в советской педагогике и психологии после известного постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов» и дальнейших событий, последо-

вавших за ним. Изъятые на десятилетия из научного оборота как «лженаучные» труды Л. С. Выготского, М. Я. Басова, П. П. Блонского, И. А. Соколянского и многих других ученых долгие годы сдерживали развитие советской детской и педагогической психологии. «Изучение того, что есть ребенок, все более заменялось декларированием того, каким он должен быть. В результате складывалось и сейчас препятствующее решение многих практических педагогических задач положение, при котором представление о том, каким должен быть ребенок, превращается в утверждение, что таков он и есть. Установки, идущие от плохо знавшей реального ребенка или подростка педагогики воспитания, в настоящее время начинают преодолеваться, но долгое время они были господствующими» (Петровский 1991).

Именно в этот период выносились многие категорические оценки и приговоры в истории педагогики, психологии, возрастной физиологии, социологии детства, дефектологии и ряда других смежных отраслей знания, которые оставались практически неизменными до начала 60-х гг. и давали о себе знать и в последующем, вплоть до нынешнего времени. И в целом у советской тоталитарной власти долгие десятилетия отсутствовала заинтересованность в науке, объективно изучающей социальную действительность, ей нужен был догматический и апологетический истмат.

Таким образом, в 1930-е гг. в стране практически прекратились исследования мира детства. Неслучайно, что в отечественной литературе вплоть до 1960-х гг. единственным исследованием, целиком посвященным проблемам детства, была брошюра Г.Н. Виноградова "Народная педагогика". Она имела подзаголовок "Отрывки и наброски", что характеризовало не только ее форму, но и незавершенность концепции автора, нечеткость самой постановки вопроса, определения главных понятий, развития затрагиваемых тем и т.д. Сам автор отмечал, что, предложив эту брошюру в качестве программы при сборе материала по народной педагогике, он преследовал цель "побудить других, более сведующих, разработать вопрос в желательном более полном объеме" (Виноградов 1926:5).

В послевоенные годы возобновляются работы по изучению детской тематики и педагогической культуры народов СССР. И, в отличие от педагогической литературы, в которой народная педагогика рассматривается в основном в социологическом аспекте, а классовый подход поглощает ее этническую специфику (Христова 1988:45), в советской этнографической литературе появляется ряд работ, целенаправленно посвященных проблемам воспитания детей у различных народов СССР (Абрамзон 1949; Амитин-Шапиро 1946; Косвен 1948; Богораз 1949; Пещерева 1957; Рейнсон-Правдин 1949).

В работах советских этнографов 1960-70-х гг. уже содержится значительный объем информации по различным проблемам народного воспитания. Один лишь анализ научных статей, в которых можно встретить описание родильных обрядов, обрядов имянаречения и первых этапов жизненного цикла, магических обрядов апотропейного характера, потребовал бы специального обзора. Достаточно сказать, например, что для подавляющего большинства народов бывшего СССР существует описание обрядов детского цикла, как в дореволюционный период, так и в первую половину минувшего столетия. Однако, степень изученности и тщательность освещения их весьма различны. Наиболее детально обычаи и обряды детского цикла были изучены в эти годы у туркмен (Аннаклычев 1961; Васильева 1969), казахов (Востров 1956), тувинцев-тоджинцев (Вайнштейн 1961), удмуртов (Христюлова 1969), народов Севера (Гурвич 1960; Долгих 1954; Таксами 1967) народов Северного Кавказа (Бесаева 1976; Гаджиева 1961; Сергеева 1967; Смирнова 1968) и др.

Вместе с тем, последующие этапы жизненного цикла детей практически не исследовались. В советской этнографии тех лет не было специальных работ по вопросам умственного, нравственного, эстетического воспитания детей, разработанных на конкретных материалах какого-либо народа. Слабо освещалась в этнографической ли-

тературе народная система физического воспитания детей и подростков. По этой проблеме имелось лишь считанное количество работ (Турсунов 1968; Элашвили 1959).

В значительно большей степени изучалась проблема трудового воспитания детей. Пальма первенства в разработке этого направления принадлежит Ю.Б.Стракачу. В своих трудах, в частности, на примере эвенков, кетов, хантов и других народностей Севера (Стракач 1959; Стракач 1962; Стракач 1966), этот автор не только описывал процессы трудового обучения детей, но и стремился выявить механизм передачи производственного опыта от поколения к поколению. Вслед за работами Стракача появились специальные исследования приемов трудового воспитания у чувашей (Волков 1970), эстонцев (Эланго 1970), народов Дагестана (Пашаева 1971) и др.

Предметом наиболее внимательного научного исследования отечественных этнографов в 1960-80-е гг. были семья и семейный быт различных народов СССР. Характеризуя современное состояние семьи, исследователи показывали те глубокие изменения, которые коснулись в советский период не только ее формы, но и внутренних взаимоотношений, в частности отношений родителей и детей, методов и систем их воспитания. Так, проследив процесс изменений в семейном быту русских, В.Ю.

Крупянская сделала вывод о том, "что новые методы воспитания детей - один из наиболее ярких показателей культурного роста населения" (Народы мира 1964:480). В эти же годы советские этнографы весьма активно изучали влияние народных обычаев и традиций на процесс воспитания детей и молодежи. Подробная сводка работ по этой тематике приводится в исследовании казахской исследовательницы А.Х. Мухамбаевой «Национальные обычаи и традиции казахского народа и их влияние на воспитание детей и молодежи» (Мухамбаева 1974).

В целом, к середине 1980-х гг. в отечественной этнографической науке был накоплен большой объем информации по различным вопросам воспитания детей у многих народов СССР. В частности, ярким примером тому служит обобщающий труд Л.С.Былеевой и В.М.Григорьева «Игры народов СССР», увидевший свет в 1985 году.

Интересно отметить, что игра как историко-культурное явление издавна привлекала внимание этнографов. Еще классики эволюционизма пытались интерпретировать игры с точки зрения теории пережитков. Э. Тейлор, изучая игры народов Центральной Америки и Индии, сделал попытку доказать их происхождение из единого центра. Играмми занимались К. Уисслер, А. Р. Радклифф-Браун, Б. Малиновский, Г.-Х. Мид и

др. В дореволюционной России большую работу по изучению народных игр проводили Русское антропологическое общество при Петербургском университете, Восточное отделение Русского антропологического общества и другие общества, а также отдельные ученые. Определенную лепту в изучение, систематизацию и использование народных игр как средства физического развития подрастающего поколения внесли советские этнографы в 1920—40-е годы (Комарова 1980). В послевоенные десятилетия роль игры в контексте этнической культуры в нашей этнографической литературе почти не освещалась. Детские игры рассматривались в отдельных отечественных монографиях и статьях лишь как иллюстративный материал при описании быта тех или иных народов (Комарова 1980), то время, как зарубежные исследователи занимались этой тематикой много и плодотворно (см., например, Lancy D. E. *The Role of games in the Enculturation of Children*. San Francisco, 1975. Schwartzman N. B. *Transformations: the Anthropology of children's Play*. New York and London, 1979. Chanan G., Francis H. *Toys and games of children of the world*. P., 1984. Blanchard K., Taylor Cheska A. *The Anthropology of introduction*. South Hadley, 1985.).

Общеизвестно, что народные игры как часть культуры этноса могут многое дать при решении задач, стоящих перед этнографической наукой.

Возникнув на конкретной этнической почве в условиях определенной этнической среды, игры обычно имеют этническую окраску. Однако им не свойственна национальная ограниченность. Игры легко проникают в инонациональную среду, быстро прививаются и широко бытуют в ней, зачастую благодаря общей основе, которая может свидетельствовать о генетическом родстве и об исторических контактах народов — создателей определенных игровых комплексов или их элементов.

Сборник «Игры народов СССР» — результат кропотливой работы по собиранию, изучению и систематизации народных игр, осуществленной большим научным коллективом, организовавшим более 30 экспедиций, в ходе которых было собрано около 3000 игр разных народов. Описание игр проводилось по специальной анкете, предложенной В. М. Григорьевым. В работе над сборником участвовало более 50 авторов; в том числе этнографы из 35 союзных и автономных республик страны. Безусловно, что этот крупнейший за послевоенные десятилетия труд, посвященный играм народов СССР, представил большой интерес не только для этнографов, фольклористов, историков, но и для педагогов, воспитателей, родителей.

Перед авторами сборника не ставились задачи чисто этнографического изучения игр. Тем более велика заслуга тех из них, которые в небольших по объему вводных статьях, открывающих от-

дельные разделы сборника, попытались показать место и роль национальных игр в этнической культуре того или иного народа. Это относится к авторам разделов, посвященных играм армян, башкир, белорусов, грузин, литовцев, русских, эстонцев и некоторых других народов, т. е., как правило, к авторам из тех республик, где существовали богатые традиции систематического изучения народных игр. Так, в Эстонии картотека лишь одного Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда содержит более 21 500 тематически систематизированных описаний, народных игр. А в Армении еще к началу 1980-х гг. уже было издано 12 сборников национальных игр и серьезный обобщающий труд «Армянские народные игры».

Интересную работу проделали авторы ряда статей коллективного сборника, проанализировав имеющиеся материалы и отметив сходство/различие в играх народов или этнографических групп, населяющих ту или иную республику (разделы «Бурятия», «Дагестан», «Кабардино-Балкария» и др.). Ценными наблюдениями о бытовании игр особенно богаты статьи авторов, проводивших специальные исследования народных игр в ходе многолетних экспедиций (разделы «Российская Федерация», «Украина» и др.).

Следует также отметить удачный, на мой взгляд, исследовательский подход тех авторов, которые, не ограничиваясь общей репрезентацией

народных игр, дают их конкретные историко-этнографические характеристики по ходу описания отдельных регионов (разделы «Аджария», «Марийская автономная республика», «Тува», «Чувашия», «Якутия»). Нельзя не отметить стремление практически всех авторов сборника акцентировать внимание на том, что «игры являются частью национальной культуры народа...» или «занимают значительное место в воспитании подрастающего поколения...» и т. п., хотя все эти положения четко представлены во Введении к сборнику, написанном В. И. Элашвили. Он знакомит читателя с рядом вопросов теории игр, подчеркивает значение народных игр, и особенно подвижных, в воспитательной практике, указывает на их роль в физическом воспитании подрастающего поколения.

Не со всеми положениями Введения можно согласиться безоговорочно. В частности, утверждение о том, что «принадлежность игры к тому или иному этнографическому региону, видимо, следует определять по наибольшей полноте сохранения первоначальной игровой канвы» (с. 7), интересно в качестве гипотезы, но ее всякий раз следует проверять на конкретном материале. В этнографической литературе имеются сведения о том, что наиболее архаичные пласты этнической культуры лучше сохраняются порой у той части этноса, которая удалена от основной территории расселения

и живет в инонациональном окружении. Подтверждением тому служат и материалы данного сборника. Думается, неслучайно такие старинные мордовские игры, как «Овин» и «Харчевня» были обнаружены не в Мордовии, а среди мордвы, живущей в Чувашии. Вместе с тем, если принадлежность игры к тому или иному этнографическому региону определяется степенью сохранения первоначальной игровой канвы, непонятно, почему раздел татарских национальных игр открывается игрой «Маляр и краски» (с. 79). Вряд ли именно в Татарии наиболее полно сохранилась первоначальная игровая канва этой столь широко распространенной у многих народов СССР игры. Некоторые неточности в паспортизации игр (например, с. 57, 102, 107, 243), отсутствие унифицированной фонетической транскрипции (передачи звучания их названий) и другие погрешности, являющиеся результатом недостаточной изученности народных игр во многих республиках, не снижают общей высокой оценки работы, проделанной творческим коллективом сборника. Сборник представляет богатые и разнообразные материалы для решения таких вопросов, как диалектика взаимосвязи национального и интернационального в игре, взаимопроникновение игры и спорта и т.д.

Материалы сборника «Игры народов СССР» не могли не поспособствовать в свое время разработке единой всеобъемлющей классификации народ-

ных игр, отсутствующей в отечественной научной литературе того периода.

Всякая классификация, как известно, сложное и трудоемкое дело. В ее основу могут быть положены различные исходные принципы. В педагогической литературе существуют самые разнообразные и нередко противоречивые классификации игр, так, игры делятся на коллективные и индивидуальные; творческие и с правилами; состязательные, боевые, социальные; по возрастным группам; по степени умственного и физического труда, вкладываемого в игру и т. п. Этнографы вопросами классификации народных игр занимались крайне мало. Даже в крупнейшем сборнике этнографических материалов, составленном В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, В. С. Ковалевой и Е. И. Степановой (с введением В. Н. Всеволодского-Гернгросса и предисловием Н.Н. Маторина) и изданном в 1933 году, все игры были разделены лишь на три группы: производственные, орнаментальные и спортивные.

В сборнике Былевой и Григорьева описано более 400 игр, в основу которых положен «комплекс активных двигательных действий, получивших общее название „подвижные" игры» (Игры 1985: 5). Конечно же, такое деление народных игр на подвижные и неподвижные вполне возможно, но не решает в целом проблему классификации народных игр. Например, следует ли относить иг-

ры типа тувинской «Чадыр» к подвижным? Входят ли в названную категорию игр карельские «Крууги» (танцы по кругу), латышские хороводные игры с пением и речитативом, включающие имитационные и хореографические элементы, или такой «синтетический» вид литовской народной культуры, как *ратяляй*, представленный в сборнике игрой «Юргялис»? Специалисты-хореографы склонны рассматривать ратяляй как образец народной хореографии, сами же исполнители считают ратяляй игрой, так как на первое место выдвигают не танец и музыку, а игровое действие.

Подвижные игры занимают, пожалуй, самое значительное место среди народных игр. Перед составителями сборника стояла задача «отобрать из всего многообразия подвижных игр лишь те, которые наиболее соответствуют современным педагогическим требованиям и сравнительно легко могут быть применены в физическом воспитании» (Игры 1985: 3). К сожалению, им пришлось отказаться от включения в сборник устаревших, вышедших из употребления самобытных национальных игр, которые невозможно использовать в других районах страны (например, якутские игры на нартах, среднеазиатские — на конях), а также от игр, приобретших статус видов спорта.

Как ни парадоксально, но сам термин «игра» долгое время не был научным понятием в строгом смысле этого слова, хотя еще Е. А. Покровский,

давший наиболее раннее систематическое описание детских игр в России, подчеркивал, что «понятие об игре вообще имеет некоторую разницу у разных народов» (Покровский 1887).

Важная заслуга авторов сборника «Игры народов СССР» состояла в том, что им удалось показать значение национальных традиций каждого народа в игровой деятельности, продемонстрировать самобытность и многообразие форм народной игры и вместе с тем в очередной раз выявить необходимость не только углубленного изучения и научного описания всего богатства народных игр, но и дальнейшего теоретического осмысления такого многогранного явления народной культуры, как игра и детская игра, в частности.

В целом, обобщая вклад отечественных этнографов в исследование мира детства в 1960-80-е годы, необходимо отметить, что им удалось в этом исследовательском поле провести не только бережный сбор и описание сохранившихся традиционных черт и элементов, но также выявить и проанализировать целый спектр различного рода инноваций. Подробная библиография и частичный анализ их достижений представлены в статье «О понятии «этнопедагогика» в советской этнографической и педагогической науке» (Комарова 1980) и в историографическом очерке И.С. Кона в коллективном сборнике «Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у

народов Восточной и Юго-Восточной Азии» (Кон 1983). И все же, исследованием коллективного педагогического опыта у разных народов этнографы в эти годы по-прежнему занимались крайне мало. А богатый этнографический материал, как правило, служил лишь дополнением, частной иллюстрацией при раскрытии и изучении какой-либо другой генеральной темы. Специальных работ по изучению систем воспитания в различных обществах в отечественной литературе тех лет практически нет. Можно назвать лишь единицы работ, специально посвященных отдельным направлениям народной педагогики азербайджанцев (Гашимов 1957), грузин (Хинтибидзе 1961), армян (Арутюнян 1962).

В связи с вышесказанным, необходимо отметить, что и в целом мировая этнологическая наука обратила особое внимание на изучение мира детства сравнительно недавно. Различные системы, методы и стили, проблемы воспитания детей и подростков, допускающие многочисленные этнические, культурно-групповые, региональные, семейные и другие вариации стали предметом самостоятельных исследований лишь благодаря трудам Л. Леви-Брюля, Э. Тэйлора, Дж. Фрэзера и др.

Важным этапом в исследовании детства, с которого собственно и начинается его современная история, принято считать классическую работу

«Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» Филиппа Арьеса, опубликованную в 1960 году (Арьес 1999). Новаторская концепция Арьеса состояла в том, что понятие «детство», по его мнению, - это не данная на все времена реальность, а социальный конструкт, наполняемый различным содержанием, различной ценностью и материальным «сопровождением» в разных культурах и эпохах (Арьес 1960). Напомню, что русский перевод некоторых ее разделов, был опубликован еще в советские времена благодаря усилиям И.С. Кона, однако этот труд долгие годы был не востребован отечественными исследователями. Целиком книга «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» Филиппа Арьеса на русском языке увидел свет в 1999 году в Екатеринбурге. Труд Филиппа Арьеса в 1960-е годы совершил своеобразный прорыв в мировой практике исследования мира детства. В итоге за последние полвека в мировой научной литературе появилось множество различных исследований, изучавших детство комплексно на стыке наук, интегрируя этнографию, историю, педагогику, социологию, психологию, педиатрию, детский фольклор, литературу и многие другие научные направления и дисциплины.

Таким образом, в зарубежной науке детство стало предметом активного междисциплинарного изучения в 60 - е гг. минувшего века. В советской

науке оно не воспринималось как предмет специальных исследований, по крайней мере, до 1980-х годов. А в некоторых, прежде всего, региональных научных сообществах мир детства как предмет междисциплинарного комплексного изучения игнорируется и по сей день. И одной из основных причин подобной ситуации, на мой взгляд, стало повальное увлечение представителями советских обществоведческих наук так называемой «народной педагогикой», а в дальнейшем - «этнопедагогикой». В этом поле особую активность проявили в свое время краеведы, затем педагоги, отчасти, психологи, философы. В постсоветские времена к ним присоединились различного толка «культурологи», в частности, бывшие преподаватели истории партии, марксизма-ленинизма, обществоведения и т.д.

Глава II

НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА И ЭТНОПЕДАГОГИКА: ТЕРМИНЫ, ПОНЯТИЯ, ПРОБЛЕМЫ

Советская многонациональная педагогика, детская психология, другие отечественные науки обратили пристальное внимание на изучение коллективного педагогического опыта народа в 1970-80-е гг., хотя интерес к народному педагогическому опыту существовал всегда. Еще К.Д.Ушинский писал: "Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет и в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа" (Ушинский 1948:161].

Народная педагогическая культура привлекала в эти годы также внимание многих советских этнографов. И это закономерно, т.к. методологической основой и эмпирическим базисом ее изучения служила этнография, а научное осмысление народного воспитательного опыта и народных педагогических идей чаще всего проводилось в рамках именно этнографических исследований. Этнографы пытались

выяснить роль и место народных педагогических идей в системе культуры того или иного этноса.

Как отмечал Игорь Семенович Кон, «все народы во все времена хотят воспитать своих детей честными, смелыми, трудолюбивыми. Вопрос заключается в том, какой конкретный смысл вкладывается в содержание этих общечеловеческих ценностей и какими средствами и насколько эффективно народная педагогика добивается их внедрения и осуществления» (Кон 1983: 19). К сожалению, попытка ответить на этот «вечно актуальный» вопрос по-прежнему удается далеко не всем исследователям народного педагогического опыта. Тем не менее, подобных попыток в отечественных гуманитарных науках накопилось достаточно много. И подтверждением тому, в частности, служит тот факт, что только в 1960–80-е гг. было опубликовано великое множество работ и защищено сотни диссертаций по этой тематике.

Анализ огромного моря литературы по народной педагогике и этнопедагогике показывает, что, во-первых, основное внимание всех авторов-педагогов обращено на народную педагогическую мысль, отраженную в пословицах, поговорках, рассказах и т.п., а психологов - на проблемы общей социально-психологической адаптации детей и молодежи, законы регуляции поведения и т.д. Во-вторых, все чаще в эти годы представители разных наук в своих исследованиях используют этнографические

материалы. В-третьих, определенные научные термины и понятия, связанные с широким использованием этнографических данных, в подобных работах получают далеко не всегда оправданное и грамотное употребление.

Не секрет, что понятийно-терминологическая путаница прослеживается не только в публикациях 1960-80-х гг., но и в современных исследованиях. Наибольшую сложность для исследователей вызывает, на мой взгляд, многополярность подходов к определению как самого понятия "этнопедагогика", так и места ее в системе педагогической культуры, а также неоднозначность разграничения понятий "этнопедагогика" и "народная педагогика". Эта проблема уже обсуждалась в советской этнографической литературе (Комарова 1980), однако и сегодня эти научные термины и понятия используются зачастую достаточно некорректно. В работах подавляющего большинство авторов также по-прежнему происходит подмена терминов "народное воспитание" и «народная педагогика». Существует ли между ними разница? Можно ли провести между ними границу?

Впервые понятие народной педагогики как "накопленного огромного воспитательного опыта народа" было введено в научный оборот К.Д.Ушинским (Ушинский 1948). Позднее, в 1926 году Г.Н.Виноградов определил народную педагогику как "совокупность и взаимодействие народных

представлений, взглядов на жизнь, на воспитание и обучение новых поколений, цели и задачи воспитания и обучения их, средства и пути воздействия на юные поколения" (Виноградов 1926: 7).

Советские этнографы и педагоги лишь в конце 1950-х гг. предприняли попытки определить понятие "народная педагогика". Например, А.Ш. Гашимов воспринимал народную педагогику как "народную мудрость о воспитании" (Гашимов 57:8). Ю.К. Намитоков под термином «народная педагогика» понимал "изречения народа о воспитании молодого поколения» (Намитоков 1957:52). С ним солидаризировались В.Ф.Афанасьев, В.Х.Арутюнян, М.Б.Гуртуева. М.Ш. Ширбаев включил в это понятие не только фольклорные материалы, но и народные традиции (Ширбаев 1957:111). Исследователь народной педагогики якутского народа В.Ф. Афанасьев писал: «В героическом устном народном эпосе - олонхо - запечатлен ряд педагогических идей, совокупность которых и представляет собой якутскую народную педагогику" (Афанасьев 1960). Как свидетельствует приведенный выше обзор, подобные определения народной педагогики нельзя признать удовлетворительными, поскольку большинством исследователей это понятие толкуется узко и однобоко и сводится, как правило, лишь к идеям и средствам устного педагогического воздействия.

Постепенно в научной среде все более расширялось понимание народной педагогики как совокупности педагогических идей и воспитательной практики. Более полное определение народной педагогики дает в своих работах Я.И. Ханбиков: «Народной педагогией называется область народных эмпирических званий, в которых находят свое отражение цели и задачи воспитания, совокупность народных средств, умений и навыков воспитания и обучения, применяемых широкими массами трудящихся» (Ханбиков 1967:16). Позже этот же автор дает еще одно определение: «Народная педагогика - это область эмпирических педагогических знаний и опыта народных масс, выражающаяся в господствующих в народе воззрениях на цели и задачи воспитания, в совокупности народных средств, умений и навыков воспитания и обучения" (Ханбиков 1970:35).

Наиболее удачное, на мой взгляд, определение народной педагогики сделал Ю.Б.Стракач: "Народная педагогика - совокупность (система) определенных взглядов, этапов и методов воспитания подрастающего поколения, ставшая своего рода традицией" (Стракач 1962:47). В целом же, все авторы сходятся в том, что предметом исследования народной педагогики служит народное воспитание.

Столь же типичным случаем неправомерной, на мой взгляд, подмены терминов в научной литерату-

ре является путаница с понятиями "народная педагогика" и "этнопедагогика".

Этнопедагогика в отечественной науке заявила о себе в 1960 - 70- е гг. серией работ представителей ряда гуманитарных дисциплин, таких как педагогика, психология, фольклористика и др. Первым исследованием, посвященным проблемам этнопедагогика, в советской литературе стала книга Г.Н. Волкова "Этнопедагогика чувашского народа", вышедшая в свет в 1966 году. В 1974 году этот же автор издал монографию «Этнопедагогика», в которой, представив этнографические и фольклорные материалы различных народов СССР, он сделал заявку на создание общей «этнопедагогики».

Необходимость создания новой науки Г.Н. Волков мотивировал тем, что «нельзя оставаться равнодушным к проблемам особенности психического склада и национального характера», т.к. они – «результат влияния системы воспитания» той или иной этнической общности (Волков 1974: 9-10). Этнопедагогические исследования Г.Н.Волкова были восприняты советскими учеными крайне неоднозначно. Его работы подвергались критике за несоблюдение принципа историзма при анализе этнографического материала; за смешение методологии познания с методами, способами и приёмами, даже с методикой, которые применяются отдельными науками в процессе исследования и разработки той или иной проблематики; за

фальшивую идеализацию «национального воспитания, призванного не допустить исчезновения национальной самобытности» (Волков 1974: 107) и многое другое.

Но главная претензия многочисленных критиков состояла в том, что Г.Н. Волков слишком преувеличивает роль и значение этнопедагогики. Постоянный оппонент Г.Н. Волкова И.Д. Кузнецов, профессиональный историк, блестящий архивист, прекрасно владеющий чувашским языком, внимательно изучив работы Волкова, сделал заключение о том, что «о педагогике этноса в целом говорить не приходится». В статье, посвященной анализу этнопедагогического творчества Г.Н. Волкова, И.Д. Кузнецов приводит многочисленные примеры, «рекомендуемые исследователем [Волковым – Г.К.] как образчики народной мудрости, якобы, бытующие так или иначе и поныне, не утрачивая своего воспитательного значения, и будто бы являющиеся средствами сохранения и упрочения национальной самобытности, отражающие чувашский национальный характер, специфический «психический склад» чувашской этнической общности». Автор статьи доказывает, что на самом деле, они «не являются таковыми или же вообще переданы искаженно» (Кузнецов 1981:118-127). И.Д. Кузнецов упрекает Волкова не только в языковой неграмотности, но и в преднамеренном

манипулировании «образчиками народной педагогической мудрости» с целью подтверждения выстроенных «этнопедагогом» заранее выводов и теорий. И.Д. Кузнецов считал, что и сам термин «этнопедагогика» не выдерживает никакой критики. «Если «этнопедагогика», по представлению Г.Н.Волкова, - педагогика отдельного этноса, то науки под таким же названием, исследующей методы воспитания всех этносов, не может быть» (Кузнецов 1981:116).

Тем не менее, вслед за «Этнопедагогикой» Г.Н. Волкова в отечественной научной, околонучной, псевдонаучной и даже паранаучной литературе появились десятки и сотни работ-клонов, написанных по тому же «образу и подобию», лишь с заменой названия народа, этноса, республики, края, региона. Их анализ не входит в задачи этого очерка. Однако, приходится констатировать, что и сегодня по-прежнему очень верно и злободневно звучит оценка подобных работ, высказанная в своё время И.С. Коном. «Почти все «этнопедагогические» исследования описательны и посвящены педагогическому опыту какого-либо одного народа. Сравнительные исследования практически отсутствуют, так что педагогика разных народов выглядит очень похожей, а то и одинаковой. Кроме того, многие авторы, особенно педагоги, не различают социально-нравственные идеалы, нормативные представления народа и его реальную

воспитательную практику, что, конечно, не одно и то же. Не всегда достаточно глубокий и социологический анализ фактов: как дифференцируется та или иная норма или обычай в зависимости от классовой принадлежности семьи, особенностей среды обитания, пола ребенка, разделения мужских и женских функций в семье и в обществе и т.д. Без такого конкретно-исторического анализа понять национальные особенности детства практически невозможно» (Кон 1983:18-19). «Описания реально существующих взаимоотношений и методов воспитания подчас не ограничиваются от культурных стереотипов, образов детства, бытующих в идеологии и в массовом сознании народа» (Кон 1988:18). К вышесказанному можно добавить лишь то, что за минувшие 20 - 25 лет научный уровень подавляющего большинства «этнопедагогических» творений не только не возрос, а оказался полностью утраченным. Они, к сожалению, все чаще носят мифологический, псевдонаучный, а иной раз и заказной шовинистический характер.

И все же возвращаясь к вопросам терминологии, напомним, что именно Г.Н. Волков первым ввел термин «этнопедагогика» в научный оборот и попытался разграничить два понятия "народная педагогика" и "этнопедагогика". В своих ранних работах он определял предмет народной педагогики «как устное педагогическое творчество народа» (Волков

1958:12). Затем «Г.Н. Волкову показался недостаточным условный термин «народная педагогика», выражающий крестьянские житейские приемы воспитания. Он решил обогатить состав наук новой отраслью педагогической науки или даже новой наукой - «этнопедагогикой» (Кузнецов 1981: 115). Среди проблем этнопедагогики Волков поставил в один ряд и педагогику семейного быта, и загадки как средство умственного воспитания, детскую и молодежную среду, их педагогические функции, и значение поговорок и пословиц в передаче нравственного опыта подрастающего поколения и др. Он пришел к выводу, что этнопедагогика - "это наука об опыте народных масс по воспитанию подрастающего поколения, о их педагогических воззрениях, наука о педагогике быта, педагогике семьи, рода, племени, народности и нации", а «народная педагогика - это не наука, но предмет науки этнопедагогики". В итоге Г.Н. Волков определил народную педагогику "как совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в устном народном творчестве, обычаях, обрядах, детских играх и игрушках и т.д.», а этнопедагогику - как «науку, раскрывающую проблемы народной педагогики" (Волков 1974). Интересно, что, акцентируя свое внимание на этнографическом аспекте народной педагогической культуры, но при этом осознавая, что «трудящиеся массы являются хотя и основными, но все-таки не единственными создателями этнической

культуры», Волков предлагает «включить в этнопедагогiku критический анализ педагогики враждебных трудящимся социальных групп и слоев" (Волков 1974:8).

В наши дни термин "этнопедагогика", вызванный к жизни интенсивным обращением к этнографическим материалам, получил широкое распространение и достаточно популярен. Однако в литературе как негативный момент отмечается, что многие исследователи по-прежнему отождествляют/путают его с термином "народная педагогика", который исследователями постсоветского пространства трактуется также неоднозначно. При этом в ряде современных изданиях указывается, что «еще в 1980 году этнографом Г.А.Комаровой (Комарова 1980: 212) уже была сделана одна из редких попыток развести эти понятия» (Коршунова 1992: 4). Важно отметить, что спустя 10-15 лет, уточнением понятийного аппарата этнопедагогики активно занимались белорусские исследователи (Конан, Болбас, Ляута 1996) и российские педагоги (Коршунова 1992; Галагузова, Штинова 1997; Христова 1989).

Е.Л. Христова посвятила этой проблеме целый раздел своей кандидатской диссертации «Народная педагогика: историографические и теоретико-методологические проблемы» (Христова 1988), в котором, конкретизируя термин "народная педагогика", она предлагает рассмотреть еще два понятия - "педагогическая народная культура" и "педагогическая

традиционно-бытовая культура" (Христова 1988: 104). Однако, это нововведение лишь усложняет проблему терминологического оформления, т.к. расширение содержания понятия "народная педагогика" за счет введения категорий воспитательной практической деятельности представляется малоубедительным. К тому же в научном обиходе широко известны такие термины, как "народное воспитание", "народная воспитательная система", "воспитательный опыт народа".

В целом, анализируя современную литературу по этнопедагогике, нетрудно заметить, что и сегодня такие научные понятия, как "этнопедагогика", "народная педагогика", «традиционная педагогика», используются исследователями как и в прошлом достаточно вольно и некорректно. Чаще всего авторы попросту отождествляют эти понятия, не видя существенной принципиальной разницы между ними. Это происходит, очевидно, потому, что термин "этнопедагогика" требует большей конкретизации, чем те определения, которые можно встретить, в частности, в педагогической литературе. Представляется, что для более правильного понимания места этнопедагогике в рамках этнографической науки важно выделить и изучить то, каким образом многовековой воспитательный опыт народа способствует вхождению подрастающего поколения в структуру данного общества. Отсюда главную задачу этнопедагогике можно видеть в раскрытии характерных для каждого

этнoса закономерностей процесса социализации личности.

Как отмечал Л.С. Выготский, при изучении народной практики воспитания необходим дифференцированный подход, при котором "отправной точкой сравнительного исследования должна быть не отдельно взятая морально-психологическая черта или ценность, например, трудолюбие или самостоятельность, или конкретный психологический прием, а целостный образ жизни, в рамках которого формируется, функционирует и видоизменяется соответствующая система социализации и межпоколенной трансмиссии культуры» (Выготский 1932). И.С. Кон отмечал различие стилей воспитания как в синхронном (национальные, социальные, классовые), так и в историческом планах, подчеркивая, что «ни один из этих стилей, точнее ни одна из этих ценностных ориентаций никогда не господствует безраздельно, особенно если речь идет о практике воспитания» (Кон 1983:34-42).

Действительно, ведь у каждого народа процессы социализации имеют свои особенности, связанные с теми или иными нормативными представлениями и воспитательским опытом, выработанным в течение многих веков. Не возможно не согласиться с А. П. Сидельковским, утверждающим, что в этих вопросах "прослеживаются свои единичные, особенные и

общие тенденции, познание которых во многом еще ждет своих исследователей» (Сидельковский 1985).

Наиболее перспективным представляется изучение этой проблематики с учетом достижений теории социализации. Вместе с тем анализ уже имеющейся литературы, посвященной проблемам социализации, показал, что многие издания также страдают характерной для работ этой области науки нечеткостью в использовании понятийного аппарата. Безусловно, изучение процессов социализации сопряжено с определенными теоретико-методологическими сложностями. Само понятие «социализация» и его соотношение с такими категориями, как «воспитание», «обучение», «образование», «формирование личности», издавна вызывало споры. В советской социологической литературе термин "социализация" получил широкое распространение со второй половины 1960-х годов. В психологии он стал употребляться еще раньше, начиная с трудов Л.С. Выготского. При этом представители разных наук вкладывали в это понятие различный смысл. Напомним, что в БСЭ 1976 года «социализация» трактовалась как "процесс усвоения индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества" (БСЭ 1976:221).

В 1960-80-е годы, когда в отечественной этнографии велась достаточно интенсивная работа

по уточнению и обогащению понятийного аппарата науки, заметное внимание уделялось также и категории «социализация». И.С. Кон, который одним из первых среди этнографов начал широкое использование этого понятия, уточняет во введении к первому сборнику серии «Этнография детства»: «В данной работе социализация понимается в широком смысле - как различные влияния среды в целом, которые приобщают индивида к участию в общественной жизни, учат его пониманию культуры, поведению в коллективах, утверждению себя и выполнению различных социальных ролей» (Кон 1983: 3-4). Там же он определяет понятие «традиционные формы социализации», воспринимая его как синоним «народной педагогики» и подчеркивает, что под традиционными формами социализации «подразумеваются такие отношения и институты, которые глубже всего укоренены в традиционно-бытовой культуре народа и с которым прямо или косвенно ассоциируются представления о специфике и преемственности его характера и образа жизни» (Кон 1983:5).

Терминологические и теоретические расхождения, связанные с изучением социализации в разных науках, в известной мере сохраняются и по сей день. Однако, большинство исследователей руководствуются определением этого термина, данным И.С.Коном в Большой советской энциклопедии: "Социализация - со-

циологический термин, обозначающий процесс, благодаря которому человеческий индивид усваивает определенную систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Социализация включает как осознанные, социально-контролируемые процессы целенаправленного воздействия на личность (воспитание), так и стихийные, спонтанные процессы, влияющие на ее формирование» (БСЭ 24:221).

Различные аспекты социализации изучаются разными науками: психологией (психические механизмы деятельности и освоения нового опыта, в том числе на разных стадиях жизненного пути), социальной психологией (социализирующие функции непосредственного окружения и межличностных отношений), социологией (соотношение процессов и институтов социализации в макросистеме), педагогикой (воспитание), историей (историческое изучение социализации).

В современной науке в исследовании детства существуют различные методические подходы, связанные, прежде всего, с отношением к проблеме социализации ребёнка. Разнообразна и методология таких исследований: это и детальные монографические описания, массовые статистические исследования, исследования, опирающиеся на наблюдения, исследования комплексного типа и т.д. Одни - изучают специфические закономер-

ности развития человека в данном обществе; их интересуют не особенности культуры сами по себе, а то, чем отличаются дети данного народа от детей, растущих в иной социально-культурной среде. Другие - ищут ответ на вопрос, каковы специфические механизмы и процессы приобщения детей к культуре своего народа. Если в первом случае сравниваются результаты социализации, то во втором - её средства и методы. Третья группа учёных изучает взаимосвязи между воспитанием детей и некоторыми аспектами социальной структуры общества: кто и как определяет соотношение целей и средств воспитания, как взаимодействуют друг с другом отдельные институты социализации и т.д. (Неклюдов 2009)

Для этнологов же главный интерес представляет сравнительно-историческое изучение процессов социализации в стадийно и хронологически различных обществах и культурах и особенно важен историко-этнографический подход. Сравнительно-этнографические данные позволяют выявить характер и специфику взаимоотношений сверстников, особенности формирования детской и подростковой субкультуры (Кон 24:222). При этом вряд ли вызовет возражение положение о том, что традиционная система воспитания является лишь одним из аспектов социализации, и что она относится к социализации как часть к целому. Социализация личности, является на наш взгляд,

одним из важнейших компонентов культуры любого этноса. Важность ее определяется главным образом тем, что с ее помощью происходит трансмиссия культуры во времени, т.е. осуществляется передача культурных ценностей от поколения к поколению и тем самым сохраняется культурная преемственность.

Глава III

ЭТНОГРАФИЯ ДЕТСТВА: НА СТЫКЕ НАУК

Период 1960 -1980-х гг. в отечественной этнографии характеризовался значительно возросшим интересом к теоретическому осмыслению вопросов формирования этнического в культуре. Развитие теории этноса привело советских этнографов (вслед за лингвистами) к формированию представления о двух важнейших типах внутриэтнических связей — синхронных и диахронных (Арутюнов, Чебоксаров 1973; Алексеев 1980). Они утверждали, что синхронные типы внутриэтнических связей обеспечивают пространственную гомогенность этнической культуры и ее целостность, а диахронные - временную преемственность. Вторые типы внутриэтнических связей — диахронные - при этом считались более значимыми и существенными с точки зрения исторической стабильности этноса.

В этом контексте важная роль отводилась изучению процессов социализации детей. Ю.В.

Бромлей, в частности, считал, что одной из задач дальнейшего этнографического изучения современной семьи является раскрытие этнической стороны социализации (Бромлей 1981). Но если ранее, в 1960-е гг., традиционные системы воспитания не становились предметом специальных исследований и упоминались этнографами только в связке с другими темами, например, описаний семейных отношений и семейной обрядности, то более целенаправленное и пристальное внимание к этнографическому изучению темы детства как таковой связано с публикациями 1980-х годов.

Обращаясь к обзору источников и научной литературы по этой тематике, необходимо, прежде всего, особо выделить очень интересные и глубокие исследования И.С. Кона, в которых он ещё в 1960 - 70-е годы рассматривал различные аспекты проблемы социализации. Представителям самых разных наук гуманитарного цикла широко известны такие его работы, посвященные социологии личности и процессам социализации, как «Социология личности», «Открытие «Я», «Психология юношеского возраста» и др. Важное методологическое значение также имели такие исследования советских этнографов, как труды Д.А. Ольдерогге, посвященные проблемам африканской семьи и системы родства; работы Н.М. Гиренко о традицион-

ных социальных институтах и соотношении терминов родства и социальных категорий; М.М. Громыко, изучавшей половозрастные аспекты механизмов функционирования крестьянского общества; исследования К.П. Калиновской возрастных групп у народов Восточной Африки и др. В целом, в отечественной этнографической литературе тех лет все больше осознавалась значимость изучения содержания и форм межпоколенной передачи этнической информации.

Между тем подавляющее большинство отечественных исследований проблем детства вплоть до 1980-х гг. если и проводились, то, как правило, вне связи с аналогичными работами зарубежных ученых, например, представителей этнопсихологической школы (М. Мид, Дж. и Б. Уайтинг, И. Чайлд, Дж. Хансен и др.). В советской историографической литературе, конечно же, упоминались как эти, так и другие имена. Однако до И.С. Кона отечественные исследователи уделяли свое внимание лишь критике работ зарубежных авторов (Р. Бенедикт, М. Мид, Дж. Горера, Дж. и Б. Уайтинг и др.), якобы, испытывавших влияние неопрейдистских концепций и искавших в традиционной педагогике объяснения особенностей «национального характера». Подобный подход - односторонняя неконструктивная критика методологических позиций зарубежных коллег, вероятно, был причиной того, что

советские ученые вообще не разрабатывали то же самое исследовательское направление - этнография детства, пусть даже и исходя из других мировоззренческих представлений.

Огромная несомненная заслуга И.С.Кона состоит в том, что он был одним из первых, кто познакомил своих советских коллег с работами зарубежных, по большей части американских ученых, давая объективную оценку их просчетам и научным достижениям (Кон 1977; 1981). Выше уже упоминалось о деятельности И.С. Кона, связанной с популяризацией классического труда Филлипа Арьеса в отечественном научном сообществе. Монография Игоря Кона «Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива» (Кон 1988) ввела русскоязычного читателя в мир зарубежной литературы по истории детства и показала огромный и сложный спектр всех проблем, связанных с его исследованием.

Автор книги теоретически и на конкретном материале рассматривал такие проблемы, как особенности социализации мальчиков и девочек; взаимодействие стиля социализации и принятого в культуре нормативного канона человека («имплицитной теории личности»); природа возрастных категорий; специфические особенности и закономерности развития отцовства и материнства и др. Кстати, именно в этом исследовании И.С. Кона проблемы антропологии и психологии ро-

дательства обсуждались впервые в отечественной науке. Столь же оригинальной частью книги стала теория возрастного символизма и многое другое.

Игорь Семенович Кон был инициатором, редактором-составителем и автором послесловия первого издания на русском языке избранных произведений выдающегося американского этнографа Маргарет Мид (1901 - 1978), посвященных этнографии детства «Культура и мир детства» (Мид 1988). Эта работа дала советскому читателю достаточно полное представление об оригинальных полевых исследованиях и теоретических взглядах Маргарет Мид, оказавшей значительное влияние на развитие зарубежной этнографии и психологии XX века.

В своих трудах И.С. Кон справедливо отмечал, что вплоть до середины 1960-х гг. многие западные психологи, социологи, этнографы и другие ученые занимались изучением социализации преимущественно с частных позиций своих научных дисциплин. «Одни авторы изучают детство в связи с системой возрастных классов и групп первобытного общества, другие - в связи со структурой семьи, третьи - в связи с принятой в данной культуре периодизацией индивидуального жизненного пути, отраженной в языке (возрастные категории) и специфических обрядах перехода, четвертые – в связи с

теорией инициации, пятые - в связи с проблемой формирования и закрепления этноспецифических черт личности (национального характера), шестые - в связи с процессами взаимодействия различных институтов социализации и межпоколенной трансмиссии культуры" (Кон 1983).

Вместе с тем Игорь Кон убедительно показывал, что в конце 1960-х гг. формы и традиции воспитания в зарубежной науке выступали уже как самостоятельный объект анализа; что работы В. Хэмбли, Н. Миллера, Р. Бенедикт, Б. Малиновского, М. Мид, Дж. и Б. Уайтинг и многих других содержали обширный эмпирический и теоретический материал; а также то, что в работах зарубежных авторов постоянно растут точность наблюдения, широта охвата, четкость сравнения разных форм социализации; совершенствуются методы сбора и обработки данных.

Многогранная плодотворная деятельность И.С. Кона активно способствовала междисциплинарной кооперации отечественных ученых - представителей различных дисциплин социогуманитарного цикла в дальнейших исследованиях проблем детства. И это неслучайно. Игорь Семенович Кон всю жизнь работает на стыке разных общественных и гуманитарных наук: социологии, истории, антропологии, психологии и сексологии. С его именем тесно связано рождение в

России таких дисциплин как история социологии, социология личности, психология юношеского возраста, этнография детства, сексология. Многие его исследования ломали привычные представления отечественного научного сообщества.

Закономерно, что именно И.С. Кон и команда его единомышленников стали первыми, кто совершил в отечественной этнографии 1980-х гг. прорыв в исследовании мира детства. Именно они сыграли огромную роль в формировании методологии исследований этнографии детства и в определении его содержательных задач. После опубликования их трудов понятие «этнография детства» прочно укоренилось в отечественной науке. Это ключевое понятие для нашей тематики обозначает междисциплинарную отрасль знания, возникшую на стыке этнографии, социологии, психологии и педагогики и занимающуюся сравнительным изучением традиционных способов воспитания детей и самого мира детства, включая детские игры, фольклор и т.д.

Первое в советской науке комплексное исследование, посвященное этнографии детства, вышло в свет в 1983 г. Этот коллективный труд «Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков» был издан в двух сборниках, подготовленных сектором этнографии народов Зарубежной Азии ленинградской части Института этнографии АН СССР. Ответственный

редактор сборников - И. С. Кон, им же написаны историографический очерк, введение и заключение.

Большой коллектив авторов, объединенных общностью замысла, работал по единой этносоциологической программе. Первый сборник был посвящен традиционным формам воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии, второй - воспитанию детей и подростков у народов Передней и Южной Азии.

Как известно, в Азии проживает около тысячи этносов, каждый из которых обладает самобытным опытом традиционного воспитания и вполне заслуживает внимания исследователей. Естественно, что в таком случае сделать представительную выборку составителям сборников было непросто, к тому же вопросы традиционных способов социализации детей у народов Азии плохо разработаны, воспитательная практика малых народов не изучалась совершенно. Тем не менее, в издании были представлены все основные географические регионы, языковые семьи и конфессиональные общности Зарубежной Азии. Особо отметим тот факт, что народы, чьи традиционные методы воспитания рассматриваются в сборниках, весьма различны по культуре и стоят на разных ступенях социально-экономического развития: тут и эпоха разложения первобытно-общинного строя, и феодализм, и разные стадии капиталистического

развития и социализм.

Рамки исследования были определены главным образом материалами, имеющимися в распоряжении авторов: обобщенные литературные материалы, разбросанные в многочисленных и труднодоступных источниках, данные текущей статистики, периодики, прессы, неизвестные ранее полевые материалы и труды, хранящиеся в архиве Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, а также личные полевые материалы и наблюдения.

Основополагающую ценность для исследования проблем детства представляет блестящий и чрезвычайно информативный историографический очерк исследований по «этнографии детства», открывающий первый сборник и написанный, как и введение, И. С. Коном. В нем дан глубокий анализ истории и методологии изучения детства в искусстве, этнографии, этнопсихологии, а также сформулирована единая программа, которой предлагалось следовать авторам всех самостоятельных статей обеих книг. Бесспорное достоинство сборников заключалось именно в том, что при их подготовке авторы руководствовались единой этносоциологической программой социализации детей и подростков, составленной И. С. Коном. Само по себе ее появление (Кон 1981) в свое время вызвало большой теоретический и практический интерес этнографов.

Предложенная И.С. Коном программа, действительно, послужила своего рода общим ориентиром в работе авторов сборников, придала четкость и стройность изложению материала. Представление о жизненном цикле и его этапах, система институтов социализации, роль семьи как фактора социализации, особенности ценностного отношения к ребенку в обществе, способы ухода за младенцами, формы поощрения и наказания, трудовое и половое воспитание, межпоколенные отношения - вот тот далеко не полный перечень проблем, который лег в основу сбора информации. В результате получилось целенаправленное исследование, охватывающее большой круг народов, стоящих на разных ступенях социально-экономического развития и расселенных в нескольких историко-культурных провинциях Азии. Единство исследовательской программы в большой мере помогло специалистам по разным азиатским народам преодолеть фрагментарность, характерную для старых этнографических работ, в которых говорилось в той или иной степени о методах народной педагогики и отношении к детям.

Статьи реализовали предложенную программу в разной степени в зависимости от состояния источников, выбранных методов и специфики интересов авторов. И сам ее составитель справедливо предполагал, что «такая этносоциологическая

программа представляется весьма широкой и неизбежно будет корректироваться в конкретном исследовании» (Кон 1981:12). Естественно, «ни один из авторов не мог исчерпывающе ответить на все вопросы, предусмотренные планом исследования» (Кон 1983а: 186). Вместе с тем материалы первых сборников позволяли внести некоторые поправки в предложенную программу, в чем-то уточнить, дополнить ее. Приведем несколько примеров. Так, сквозной темой почти всех статей стал возрастной символизм. В них широко представлены материалы по нормативным критериям физической и социальной зрелости, правовым нормам, обрядам перехода и т. п. При рассмотрении всех этих вопросов у исследователя невольно возникает потребность указать на отражение их в материальной и духовной культуре, что весьма характерно для традиционных обществ. Ведь при переходе человека из одной возрастной группы в другую меняются не только его место в социальной структуре, отношение к нему окружающих, но и характер одежды, украшений, прическа. Интересные данные по этому вопросу приводят в своих статьях Ю. В. Ионова, Ю. Д. Михайлова, В. И. Мазурина, Е. И. Васильева и Дж. Хайдари, Р. Р. Рахимов, Г. С. Асатрян, С. Л. Маретина. Вероятно, был смысл внести возрастной символизм особым разделом в блок вопросов «Представления о жизненном цикле и его этапах» (пункт «Символи-

ческие границы возрастной периодизации»). В этот же блок можно было вставить и вопросы, связанные с погребальным обрядом для детей. Материалы, приведенные в статьях Р. Р. Рахимова, Ю. В. Меновой, Ю. Д. Михайловой, М. Н. Серебряковой, свидетельствуют о большом значении, придаваемом в традиционных обществах обрядам детского погребения, которые отличались от погребального обряда для взрослых.

В обоих сборниках встречается обширный материал и о других обычаях, не нашедших места в программе исследования. Например, А. И. Мухлинов и Ю. Д. Михайлова рассказывают о гражданском и религиозном удочерении и усыновлении; А. К. Оглобин и В. Н. Мазурина - о временной, полной и безусловной адапции. Интересные данные о правовом статусе и положении приемных, законных и незаконнорожденных детей приведены в статье М. В. Станюкович; детей от полигамных браков, детей-слуг, детей-рабов — в статьях А. К. Оглоблина, Н. Г. Краснодембской; сирот и тех детей, родители которых состоят в разводе, в работе Н. Г. Краснодембской. Г. С. Асатрян приводит данные об аталычестве у персов. В связи с этим возникает желание обозначить эти универсальные институты отдельными пунктами программы, например, ввести пункт «Характер адапции детей» и, может быть, отдельным пунктом выделить правовой статус детей не толь-

ко разного возраста и пола, но и разных социальных категорий. Отметим, что в программе исследования в специальные блоки были выделены лишь две сферы воспитания: трудовое и половое, кстати, нашедшие подробное освещение в большинстве статей сборников. Но наряду с ними, некоторые авторы (М. Н. Серебрякова, Г. С. Асатрян, Р. Р. Рахимов, Н. Г. Краснодембская) приводят также материалы по вопросам физического и нравственно-эстетического воспитания.

Известно, что для «отсталых» обществ в силу феномена культурного синкретизма характерна нерасчлененность различных сфер духовной деятельности человека. Тем более достойны внимания попытки авторов отдельных статей разобраться в том, как в процессе социализации наряду с другим жизненным опытом детям передаются традиционные эстетические ценности и прививаются художественные вкусы, проявляющиеся в прикладном искусстве, музыке, фольклоре. Фольклор всегда был мощным средством социализации. Достаточно вспомнить, как отзывались о воспитательной роли русских народных сказок А. С. Пушкин и А. М. Горький. Эту же идею подтверждают и авторы рецензируемых изданий: М. Н. Серебрякова, Г. С. Асатрян, Р. Р. Рахимов, М. В. Станюкович, В. Н. Мазурина, Н. Г. Краснодембская и др. Конечно же, фольклор как средство воспитания требует междисциплинарного ис-

следования. Тем не менее, включение этой темы в программу исследования могло бы дать весьма важные результаты, как, например, это произошло с играми. Детские игры широко представлены в исследовании: почти все авторы приводят материалы, подтверждающие, что игры наряду с игрушками всегда были первым средством воспитания, формирования определенных ценностных ориентации, навыков социального поведения.

В науке сформировался взгляд на ребенка как на сравнительно самостоятельного и активного социального индивида, представляющего не только объект воспитательных воздействий со стороны взрослого, но и субъект познания и общения, носителя и творца собственной культуры. К проявлениям этой субкультуры И. С. Кон относит детский фольклор, игру и общение (Кон 1983:14). Однако из всех этих аспектов в программу внесены только игры. Попутно хотелось бы заметить, что процесс воспитания детей не является однонаправленным, так как и сами взрослые, в нем участвующие, испытывают его обратное воздействие. В этом смысле правомерно говорить о взаимном обогащении двух субкультур - взрослой и детской.

Почти во всех статьях детально описываются карпогонические обряды, представляющие в целом большой научный интерес и для изучаемой

проблематики. Но, вероятно, для большей четкости эти обряды, как и обрядность, связанную с самыми ранними периодами жизни ребенка, было бы правильнее выделить в специальный блок, называемый условно «периодом протосоциализации». Наряду с этим на страницах сборников, на наш взгляд, неоправданно подробно освещена свадебная обрядность изучаемых народов. Конечно, свадьба - один из важнейших институтов социализации, но не детей и подростков.

Большое внимание на страницах изданий по этнографии детства отводится такому институту социализации, как семья. И это не случайно. По общепринятому в советской этнографии мнению, именно семья считалась «одной из основных ячеек функционирования традиционно-бытовой культуры и ее межпоколенной трансмиссии» (Бромлей 1981:361). «Именно в семье, являющейся микроячейкой этнических процессов, младшее поколение воспринимает от старшего родной язык, нормы поведения, обычаи» (Кон 1983:138). Другие исследователи также делают вывод о том, что семья является одним из основных социализирующих институтов.

Вместе с тем известно, что в традиционных обществах среда социализации не ограничивается только семьей. И действительно, в «Этнографии детства» приводятся разнообразные материалы и о других институтах социализации, характерных

для описываемых этносов: своеобразных формах возрастных классов и мужских и женских домов - «агаманги» у ифугао, «ариджу» у ао нага и «нокпанте» у гаро, пережиточных формах мужского дома «дала» у афганцев, мужских, а иногда и женских объединениях молодых людей «вакамоногуми», а также о «ночных домах для юношей и девушек» в Японии периода Токугава, о своеобразных клубах молодежи у гурунгов Непала и т. д.

Почти все авторы уделяют большое внимание проблеме школы и ее прообразов. При анализе всех этих материалов возникает интереснейший вопрос о соотношении семейных и внесемейных институтов социализации детей. В целом, авторскому коллективу удалось сопоставить способы социализации ребенка в ряде азиатских культур, что позволило И.С.Кону выделить три главных этапа в развитии институтов социализации: «В обществах первичной формации социализация детей осуществляется совместными усилиями всей общины... древнейшие институты социализации, например возрастные группы, полифункциональны». На следующем этапе развития важнейшим институтом социализации становится большая семья, но наряду с ней сохраняются и трансформируются традиционные формы общинной социализации (возрастные группы, тайные общества и т. п.), и на их основе, а иногда и в противовес им возникают новые общественные институты: шко-

лы, особые формы ученичества и т. п. Эти новые институты дополняют семейные воздействия, не подрывая их решающего значения. В дальнейшем «социализация становится общественным, общенациональным делом, требующим систематического государственного планирования, управления, координации усилий отдельных институтов (семья, школа, общество сверстников, средства массовой коммуникации и т. д.)» (Кон 1983: 187-188).

В последнее время в ряде работ проводится мысль о том, что семья как фактор социализации в высокоразвитых обществах все более теряет свое значение. Конечно, роль современной семьи в социализации детей не следует преувеличивать, но вместе с тем, как представляется (и это наглядно доказывают материалы трудов по этнографии детства), речь должна здесь идти, прежде всего, о смещении акцентов в соотношении разных институтов социализации: с усложнением воспитательного процесса их роль становится весьма многообразной, а оказываемое ими воздействие - многозначным. При этом в разных сферах их влияние тесно переплетается и взаимно коррелируются. В результате анализа всех вышеизложенных проблем была выявлена четкая зависимость характера социализации от социально-экономического уровня развития общества.

В архаических обществах социализация была

закреплена жесткими нормами, ограничивалась строгими временными и пространственными рамками и обладала четко запрограммированным внутренним содержанием, т. е. набором тех навыков и ценностей, которые должны были усваиваться индивидом. Социализация в традиционных крестьянских обществах имела немало общего с архаическими: следование заветам предков, копирование и воспроизводство прошлого опыта, существование единого набора предписаний, распространявшихся на поведение, мысли и чувства, в результате чего люди привыкали к определенной пище, одежде, церемониям, разделяли те же взгляды, воспитывали детей также, как и их родители. В более развитых обществах общие сроки социализации увеличивались, цикл жизни детализировался, росло число возрастных категорий, воспитательный процесс становился более многообразным. По мере урбанизации и позднее - в условиях индустриализации и научно-технической революции - происходили дальнейшая дифференциация и специализация институтов социализации, расширялись её временные и пространственные рамки, стирались четкие границы этапов, увеличивалась, усложнялась та информация, которую индивид должен был усвоить в ходе формирования своей личности. В этой ситуации уже не

могла задаваться строгая регламентация поведения человека на все случаи жизни, задавались лишь общие, социально принятые в рамках данной общности или класса рамки-нормы, где индивид обладал определенной свободой выбора, набором моделей допустимого поведения для какой-то конкретной ситуации. К сожалению, авторы сборников, ограниченные объемом, не имели возможности глубоко проанализировать зависимость характера социализации от социально-экономического уровня развития конкретного общества, но уже то, что они обратили внимание на эту проблему - их несомненная заслуга.

Во введении к первому сборнику И. С. Кон оговаривает, что в издании речь идет не о мире детства и социализации детей вообще, а лишь о традиционных институтах и методах социализации (Кон 1983:4). Да и в целом в те годы этнографическое изучение современности концентрировалось в основном на традиционно-бытовой культуре (Бромлей 1977:6), но ограничиваться только ею, представить ее в «чистом» виде исследователи не захотели. Неслучайно И. С. Кон ввел в свою программу анализ процесса проникновения инноваций в традиционную сферу воспитания детей, и отдельные авторы приводят интересные данные по этой проблеме. Укажем, в частности, на статью И. Г. Косикова, посвященную воздействию на си-

стему воспитания сложных социально-экономических процессов, характерных для Камбоджи после достижения ею независимости. Между тем, в программе исследования не отражена специфика воспитания детей в условиях межэтнических контактов и, прежде всего, в межнациональных семьях. А ведь эта проблема существовала издавна. Межэтнические браки были характерны почти для всех периодов истории человечества. В связи с этим возникает и необходимость изучения языковых проблем: язык раннего детства, языковое поведение родителей и детей в семье и т. п. О том, как традиционная модель воспитания сохраняется и трансформируется в современных условиях, говорится в статьях Ю. Д. Михайловой, Л. Л. Викторовой, Р.Р. Родионова.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что заявленный на титулах сборников подзаголовков «Традиционные формы воспитания детей и подростков» гораздо уже представленного в статьях материала. Авторы смело могли бы озаглавить свою работу «Традиционные формы социализации детей и подростков» или дать ей подзаголовки «Этнические аспекты социализации детей и подростков».

Первые сборники, увидевшие свет в 1983 году, стали удачным опытом широкого, коллективного многоаспектного исследования проблем детства. Их издание вызвало большой научно-

общественный резонанс (Азаров 1984; Комарова 1985; Старовойтова 1985; Субботский 1984; Michalicka 1985) и послужило началом целой серии подобных исследований. Под редакцией И.С. Кона в 1980-90-е гг. вышли в свет ещё несколько сборников «Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков» по различным регионам мира, содержащие интересные и уникальные материалы (Кон 1988; 1988а; 1992). Например, авторы сборника «Традиционное воспитание детей у народов Сибири» обобщили материалы об особенностях традиционного воспитания детей у многих представителей аборигенного населения Сибири - кетов, коряков, манси, нганасан, ненцев, нанайцев, нивхов, тувинцев, теленгитов, хакасов, чукчей, якутов, представив систематическое исследование проблем социализации детей и подростков в этом регионе. Коллективные труды «Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии» и «Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии», подготовленные и изданные сектором этнографии народов Зарубежной Азии ленинградской части Института этнографии АН СССР, продолжили всестороннее и комплексное исследование проблем социализации детей и подростков у самых разных народов Азии, Австралии и Океании. Их

авторы исходили из того, что исследование этнографии детства «позволит всесторонне изучить культуру и быт народов обширного региона, понять их психологию, раскрыть механизмы передачи этнокультурных традиций в процессе воспитания ребенка, выявить определенные рациональные стороны традиционной народной педагогики, а в дальнейшем провести специальные историко-культурные типологические исследования» (Кон 1988:4).

Как уже упоминалось, все издания серии «Этнография детства» были написаны на основе общей этносоциологической программы И.С. Кона, впервые использованной при изучении традиционной социализации детей и подростков у ряда народов зарубежной Азии, что предопределило целостность исследования и сопоставимость полученных материалов. При этом программа исследования изначально носила междисциплинарный характер. И естественно, что в процессе работы в неё вносились коррективы, дополнения, уточнения и т.д. (Комарова 1985:160). Одним словом, наблюдалось постоянное стремление к более высокому уровню научной интеграции – проведению «серии исследований по одной и той же детально разработанной программе, в которой новая, более ёмкая, по сравнению с предыдущими, концептуальная схема дополняется последовательной си-

стемой четко сформулированных и допускающих эмпирическую проверку гипотез» (Кон 1988:59).

Важно также отметить, что авторы более поздних изданий этой серии не только рассматривают мир детства в разных этнических сообществах, но ставят и разрабатывают различные теоретические проблемы, что, бесспорно, способствует развитию теоретико-методологической рефлексии в таком междисциплинарном исследовательском направлении, как этнография детства. Но самой главной и несомненной, на мой взгляд, заслугой авторских коллективов является то, что проблема детства в отечественной этнографической литературе этих лет была представлена в тесной связи с культурой и бытом народа как неотъемлемая часть его жизни, а проблемы социализации детей изучались в единстве с анализом образа жизни всего общества. В итоге большой работы, проделанной советскими этнографами/этнологами в 1970 - 1990-е гг., в отечественной науке сформировалось новое междисциплинарное исследовательское направление - этнография детства.

Тему детства в культурах разных народов мира в той или иной степени в 1990-2000-е годы исследовали многие отечественные этнологи и антропологи, в том числе и сотрудники института этно-

логии и антропологии РАН. В 1997 году в ИЭА РАН была издана коллективная монография «Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы». Отдельные разделы, посвященные обрядам детского цикла, были опубликованы в многочисленных томах серии «Народы и культуры».

В постсоветские годы проблемам детства и молодежных субкультур целый ряд интересных работ посвятили С.Ю. Неклюдов, Т.Б. Щепанская, А.К.Байбурин, М.Л. Бутовская; Д.В. Громов, Д.Б.Писаревская, А.А.Белик, Д.А.Баранов, Е.Н.Галкина, А.К. Закурдяев, И.А.Морозов, М.В.Осорина, Н.Д. Пчелинцева; И. С.Кызласова (Слепцова), Л.Т. Соловьева; М.В.Тендрякова и др.

Особое место в этом исследовательском ряду занимает С. Б. Борисов, создавший двухтомный «Энциклопедический словарь русского детства» (Борисов 2008), в котором наиболее важное место он уделяет, различным социокультурным практикам и реалиям, связанным с половозрастной социализацией детей и подростков. Невозможно не согласиться с И.А.Морозовым, который считает, что «Энциклопедический словарь русского детства» С.Б. Борисова «можно отнести к числу исследований, стремящихся к комплексному и целостному описанию культурно-исторического контекста той или иной эпохи, "истории повседневности". На самом деле в отечественной науке пока очень не-

много работ такого рода. Что касается русской культуры, то близким аналогом данного издания можно считать серию энциклопедических словарей (Русский праздник 2001; Русский народ 2003; Мужики и бабы 2005 и др.), издаваемую Государственным Российским этнографическим музеем под общей редакцией И. И. Шангиной. Их отличительной особенностью является стремление к комплексному анализу культурно-бытового контекста от различного рода занятий и связанных с ними реалий до системы идеологических и мировоззренческих установок, определяющих круг чтения, оформление интерьера, мораль и многое другое (Морозов 2009:198). Рассматривая «Энциклопедический словарь русского детства» как «очень серьезный и важный вклад в "этнографию детства", хороший пример эффективного сочетания современных и традиционных источников и методов исследования, И.А. Морозов подчеркивает, что «ее актуальность и востребованность подтверждаются все возрастающим в последнее время вниманием научного сообщества к проблематике семьи и детства, поскольку именно в этих социальных институциях наиболее ярко отражаются общие тенденции развития современного постиндустриального общества» (Морозов 2009:199).

Многочисленные исследования мира детства отечественными этнографами, этнологами и

антропологами в целом представляют собой фундаментальный труд по истории и этнографии детства - труд, значение которого выходит далеко за рамки сугубо этнографических проблем. Психологи, педагоги, социологи, историки, практические работники находят в этих изданиях богатые материалы для своей работы.

Вот мнение психолога: «Материалы эти имеют для психолога отнюдь не только теоретическое значение. Они обогащают его творческую фантазию эмпирическими данными, инициируют замыслы новых экспериментальных исследований в области обучения и воспитания детей, при изучении механизмов их психического развития, могут подсказать и конкретные методические приемы. Ведь история культур - своеобразный естественный эксперимент, апробирующий различные варианты развития психики ребенка, который, однако, нуждается в специальной рефлексии и моделировании на современном научном уровне. Пропущенные сквозь призму научного эксперимента, материалы эти придут и к психологу-практику, к педагогу, обогащая арсенал наших средств воздействия на личность ребенка. Впрочем, и в непосредственном изложении они интересны практическим работникам: знакомство с разнообразными методами воспитания и обучения позволит глубже осознать преимущества и недостатки тех методов,

которые применяют в своей практике психолог и педагог» (Субботский 1984).

Доктор педагогических наук Ю.Азаров также высоко оценил исследования отечественных этнографов: «Этнографическая уникальность, пропущенная через научное знание, способна, сохранив свои особенности, служить всеобщему, обогатить общечеловеческую культуру. Своеобразие этнографического материала, <...> думается мне, в том, что он в чистом виде дает нередко такое первичное эмпирическое знание, которое самым неожиданным образом высвечивает всеобщее, по-новому ставит некоторые психолого-педагогические проблемы» (Азаров 1984:267). Эти мнения как нельзя лучше определяют ценность, которую представляют для представителей разных наук социогуманитарного цикла исследования отечественных этнографов/этнологов по этнографии детства. Они также имеют и большое прикладное значение, помогая адаптировать современные методы воспитания и обучения к специфическим особенностям традиционной культуры народов, а также сохранять и использовать ценные методы народной педагогики.

Благодаря научным достижениям отечественных этнографов/этнологов/антропологов - И.С. Кона, А.К. Байбурина, Т.А. Бернштам, С.Б. Борисова, В.В. Бочарова, Н.А. Бутинова, М.Л.Бутовской, И.А.Морозова, М.В. Осориной,

С.Ю. Неклюдова, Т.Б. Щепанской и многих других постоянно растет научный интерес к теме детства у представителей самых различных направлений отечественной гуманитарной науки. Активно формируется междисциплинарный подход в исследованиях детства, возникший на стыке социальной, визуальной, исторической, философской этнологии/антропологии с остальными областями гуманитарного знания. Появились оригинальные отечественные исследования по истории русского детства, разрабатывается социология детства, эта тематика востребована при разработке самых различных проблем педагогики, культурно-исторической психологии, философии, физической антропологии, педиатрии, истории, конструировании образов детства в литературе, искусстве и в других социокультурных сферах.

Уже несколько лет в РГГУ активно и плодотворно работает семинар профессора С.Ю. Неклюдова «Культура детства: нормы, ценности, практики». Его основная тематика: детство в традиционных культурах; образы современного детства, визуальная антропология детства, эволюция понятия «детство», обряды детского цикла и ранняя социализация ребенка, антропология школы и школьная ритуальная практика, школьные и домашние обряды и уставы. Проблемная область исследований участников семинара необычайно широка и многогранна.

Проблемы для обсуждения на сессиях семинара формулируются следующим образом:

– основные проблемы отечественной и зарубежной антропологии, этнографии, истории и психологии детства; междисциплинарный подход в исследованиях детства, рождающийся на стыке социальной, визуальной, исторической, философской антропологии с остальными областями гуманитарного знания;

– современные направления исследования развития ребенка; неоднозначность понимания в различных культурах в различные исторические эпохи таких универсальных явлений как детство, взросление, семья, институт родительства, традиционные и новые стратегии социализации;

– детство в современном мире, а именно – отношения между поколениями; обучение и воспитание в многонациональных детских коллективах; воспитание толерантности; права ребенка; право общества вторгаться и регламентировать внутрисемейные отношения; молодежные субкультуры и их роль в жизни современного общества;

– образы детства в различных культурах и социальных средах (городская – сельская среда, различные регионы и страны, как индустриальные и постиндустриальные, так и аграрные и традиционные); соционормативная культура традиционного и современного общества (в том числе, цен-

ностное отношение к ребенку); визуальная антропология детства;

– сохранение социокультурной идентичности в информационном обществе, передача культурных и поведенческих образцов в медиасреде, эволюция образов детства в условиях глобализации, «компьютеризация» детства, влияние новых компьютерных технологий на социализацию детей и подростков, детское информационно-культурное пространство, гендерная социализация в традиционной и современной культуре.

Участники семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» видят одну из основных целей данного научного сообщества в том, чтобы институализировать исследования детства как самостоятельное научное направление в системе российской гуманитаристики, объединив под ее эгидой усилия ученых из разных областей: этнографов/этнологов/антропологов, психологов, социологов, фольклористов, историков, филологов, педагогов, культурологов.

Детство как историко-культурный феномен и дети как особое «сословие» в обществе (Неклюдов 2008) все более привлекает к себе внимание психологов, социолингвистов, фольклористов, филологов, социологов, культурологов и др. Его изучение сопровождается значительными методологическими сложностями и требует систематической междисциплинарной кооперации, междисци-

плинарного подхода, рождающегося на стыке многочисленных областей научного знания. В современной отечественной науке при исследовании детства используются различные методические подходы, связанные, прежде всего, с отношением к проблеме социализации ребёнка. Разнообразна и методология таких исследований: это и детальные монографические описания, массовые статистические исследования, исследования, опирающиеся на наблюдения, исследования комплексного типа и т.д. И совершенно правы те исследователи (Неклюдов 2008), кто утверждает, что «пока существуют дети на Земле как особое «состояние» в обществе, мир детства будет актуальной и важной проблематикой наук о человеке и обществе».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Междисциплинарная интеграция отечественной этнографии/этнологии со смежными науками и формирование на их основе новых научных дисциплин особенно активно происходила в 60 - 80-е годы минувшего века. Роль междисциплинарных направлений в трансформации советской этнографической науки тех лет трудно переоценить. К числу их достижений можно отнести не только разработку оригинальных научных методологий, проведение масштабных комплексных исследований, выход в свет научных трудов и др. Лучшие фундаментальные исследования в области междисциплинарных направлений этнографии/этнологии/антропологии тех лет даже в условиях идеологического прессинга давали возможность изучать реальные процессы развития народов, населявших Советский Союз, что значительно повышало интеллектуальный уровень и престиж советской этнографии, как в нашей стране, так и за рубежом. Этнография детства – научное направление, возникшее в этот период в лоне отечественной этнографии, стало ярким и заметным явлением отечественной этнографической науки рассматриваемого периода.

И.С. Кон и его коллеги совершили в эти годы настоящий прорыв в новом для отечествен-

ной этнографии междисциплинарном исследовательском направлении – этнографии детства. Достижения советской этнографии детства высоко оценивали многие научные рецензенты – представители различных наук и научных школ, как отечественные, так и зарубежные (Азаров 1984; Комарова 1985; Кукаркин-Шапиро 1989; Старовойтова 1985; Субботский 1984; Michalicka 1985; Greenfeld 1988; Valsiner 1988 и др.).

Так, Л. Гринфельд, описывая примеры этносоциологического подхода в советской этнографии, особо выделяла научные заслуги И.С. Кона, который «в 1983 году предложил и сделал первую теоретическую попытку применить это в исследовании гендерной стратификации» (Greenfeld 1988:120). Другой авторитетный эксперт - Ян Волзайнер, оценивая работы И.С.Кона, выполненные в рамках этносоциологии, писал о том, что подход к развитию ребенка, разрабатываемый в ИЭ АН СССР, "более эрудирован, чем его западные аналоги", поскольку он "интегрирует историческое, семиотическое, этнографическое и социально-психологическое знание", что редко делается в западноевропейской и североамериканской психологии (Valsiner 1988: 306).

Труды И.С. Кона и его коллег по этнографии детства и сегодня по-прежнему высоко оцениваются зарубежными и отечественными специа-

листами, утверждающими, что подобное междисциплинарное исследовательское направление и ныне остается весьма значимым и перспективным для современной науки.

Исследование многих современных проблем требует систематической междисциплинарной кооперации всех наук о человеке и обществе и сравнительно-исторического их изучения. И в наши дни очень актуально звучат слова, сказанные много лет назад И.С.Коном: «Увлеченные сбором фактов мы часто забываем уточнять вопросы, на которые хотели бы получить ответ. «Непричесанная» историография, сталкивающая противоречивые факты и суждения, принимаемые за истину в одной науке и отвергаемые в другой, показывает нам глубину нашего незнания, помогая освободиться от привычных шаблонов, удивиться, задуматься и только после этого решить, что делать» (Кон 1988:243).

На извечный российский вопрос «Что делать?» наш петербургский коллега П.О. Рыкин отвечает следующим образом: «Лишь рост междисциплинарных исследований и повышение общетеоретической подготовки может заставить этнологов задуматься об эпистемологических предпосылках своей науки, переосмыслить её проблематику и выйти на качественно новый уровень анализа» (АФ 205:108). И с этим утверждением, на мой взгляд, трудно не согласиться.

Литература

Абрамзон, С.М. (с материалами Н.П.Дыренковой)
1949 Рождение и детство киргизского ребенка//Сб. МАЭ XII. Л.

Азаров, Ю.

1984 Рец. На: Этнография детства//Новый мир
7:263-267.

Алексеев, В.П.

1980 О различии синхронного и диахронного
сравнения этнографических явлений/ Фольклор и
историческая этнография. М.:Наука.

Амитин-Шапиро, Э. Л.

1946 Верования и обряды, связанные с материн-
ством и ранним детством // СЭ 4.

Аннаклычев, Ш.

1961 Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-
Дага. Ашхабад.

Арутюнов, С.А., Чебоксаров, Н.Н.

1972 Передача информации как механизм суще-
ствования этносоциальных и биологических групп
человечества//Расы и народы. М.: Наука.

Арутюнян, В.Х.

1962 Идеи воспитания в армянских народных
сказках. Ереван.

Афанасьев, В.Ф.

1960 Педагогические идеи в якутском народном

творчестве//Советская педагогика. № 3.

Арьес, Филипп

1999 Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Пер. Я.Ю. Старцев, В.А. Бабинцев. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 415 с.

Байбурин, А.К.

1991 Обрядовые формы половой идентификации детей //Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Отв. ред. А.К. Байбурин, И.С. Кон. СПб., С. 257–265.

Бартрем, Н.Д. (ред.).

1912 Игрушка. Ее история и значение. М.

Белик, А.А.

1989 Этнология детства. В: Этнология в США и Канаде. М.: Наука. С.214-231.

Белик, А.А.

1990 Человек: раб генов или хозяин своей судьбы? М.: Наука.

Белик, А.А.

1998 Детство как проблема антропологии. В: Белик А.А., Резник Ю.М. Социокультурная антропология М.: МГСУ Союз. С. 296 - 316.

Белик, А.А.

2000 Детство как феномен культуры. В: Культурология. Антропологические теории культур. М.: Открытое общество. С. 107-123.

Беляева, Н.Ф.

1986 Традиционные приемы по уходу за детьми и их воспитание у мордвы. НА ИЭА РАН.

Г. А. Комарова

Бернштам, Т.А.

1988 Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX- начала XX в. Л.: Наука. 277с.

Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 400 с.

Бесаева, Т.З.

1976 Обряды и обычаи осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка (конец XIX - начало XX вв.). НА ИЭА РАН.

Богданов, В.В.

1912 К изучению игрушки: программные заметки//Этнографическое обозрение. № 1-2.

Богораз, В.Г.

1949 Игры малых народностей Севера// Сборник МАЭ. т. XI.

Борисов, С.Б.

2001 Латентные механизмы гендерной социализации детей и подростков. Шадринск.

Борисов, С. Б.

2002 Мир русского девичества: 70 - 90-е годы XX века. М.

Борисов, С.Б.

2006 Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск: Исеть, 548 с.

Борисов, С.Б.

Морфология и генезис девичьей составляющей современной неофициальной детско-подростковой

культуры [Электронный ресурс] // anthropology.ru/ru/texts/borissv/girlhd_0.html.

Бромлей, Ю.В.

1981 Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука. 390с.

Бронфенбреннер, У.

1977 Два мира детства. Дети в США и СССР. М. Наука. 166 с.

Вайнштейн, С.И.

1961 Тувинцы-тоджинцы. М.:Наука.

Василевич, Г.М.

1969 Эвенки. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука.

Васильева, Г.П.

1969 Преобразования быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.: Наука.

Виноградов, Г.С.

1922 К изучению народных детских игр у бурят. Программа. Иркутск.

Виноградов, Г.С.

1925 Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск.

Виноградов, Г.С.

1926 Народная педагогика. Иркутск.

Виноградов, Г.С.

1928 Детские игровые прелюдии//СЖС: Вып. VIII. Иркутск.

Виноградов, Г.С.

Г. А. Комарова

1999 «Страна детей»: избранные труды по этнографии детства. СПб.: Историческое наследие. 547 с.

Виноградов, Г.С.

2009 Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М., Вост. лит., 896 с.

Волков, В.Г.

1958 Чувашская народная педагогика. Очерки. Чебоксары. 264с.

Волков, В.Г.

1966 Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары. 342с.

Волков, В.Г.

1974 Этнопедагогика. Чебоксары. 376с.

Востров, В.В.

1956 Казахи Джанибекского района Западно-Казахстанской области//Труды ИИАЭ АН Казахской ССР: 3. Алма-Ата.

Выготский, Л.С.

1932 Проблемы речи и мышления ребенка в учении. Критическое исследование / Пиаже К. Речь и мышление ребенка. М.-Л.

Выготский, Л.С.

1987 Психология искусства. М.:Педагогика. 344с.

Галагузова, М.А., Штинова, Г.Н.

1997 Понятийно-терминологические проблемы педагогики и образования // Педагогика. 1997. N 6.

Галкина, Е.М.

1993 Этническая идентичность подростков из

- национально-смешанных семей. М.: ИЭА РАН.
Гаджиева, С.К.
1961 Кумыки (историко-этнографическое исследование). М.
Гарданов, В.К.
1973 Аталычество. М.:Наука.
Гашимов, А.Л.
1957 Идеи умственного и нравственного воспитания в азербайджанских сказках и пословицах. Баку: Наука.
Гурвич, И.С.
1960 Эвены Камчатской области. Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера//Труды ИЭ АН СССР Т.56. М.
Гучинова, Э.- Б., М.
2005 Память в наследство. Школьные сочинения о депортации. Спб.:Алетейя.
Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы. В 3 т. М.:ИЭА РАН, 1995.
Дбар, С.А.
1985 Обычаи и обряды абхазов, связанные с рождением и воспитанием детей (вторая половина XIX - начала XX в.). М.: Архив ИЭ АН СССР.
Долгих, Б.О.
1954 Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени// КСИЭ АН СССР XX. М.
Зарубин, И.И.
1927 Рождение шугнанского ребенка и его первые

Г. А. Комарова

шаги. Ташкент.

Зеленин, Д.К.

1991 Восточнославянская этнография. М.

Игры народов

1985 Игры народов СССР/ Сост. Л. В. Былеева, В. М. Григорьев. М.: Физкультура и спорт. 269 с.

Капица, О.И.

1928 Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение, собирание, обзор материала. Л.: Прибой, 222 с.

Кашуба, М.С., Мартынова М.Ю. (ред.). 1997 Рождение ребенка в обычаях и обрядах: страны зарубежной Европы. М.: Наука.

Комарова, Г.А.

1972 Традиции воспитания абазинских детей// Традиционная культура народов СССР. Л.

Комарова, Г.А.

1980 О понятии «этнопедагогика» в советской этнографической и педагогической науке/ И.И. Крупник (ред.) Изучение преемственности этнокультурных явлений. М.: ИЭ АН СССР. С. 203-212.

Комарова, Г.А.

1981 Рецензия на: M.Koller, W.Oskar. Sociology of Childhood. Prentice Hall, 1978// Расы и народы 11: 284–286.

Комарова, Г.А.

1982 Программа исследования «Проблемы социализации детей и подростков в современной Литве». М., 38 с.

Комарова, Г.А.

1983 Игры современных литовских детей. М.:
НАИЭА. 24 с.

Комарова, Г.А.

1985 Рецензия на: «Этнография детства: традици-
онные формы воспитания детей и подростков у
народов восточной и юго-восточной Азии». Отв.
ред.- И.С. Кон. М., Наука, 1983// Этнографическое
обозрение. 1985. № 2. С. 158-161

Комарова, Г.А.

1986 Рецензия на: Игры народов СССР// Совет-
ская этнография 5.

Комарова, Г.А.

1989 Современная чувашская женщина в семье и в
обществе (на материалах массовых обследований в
ЧАССР). М.:НА ИЭ АН СССР.

Комарова, Г.А.

1990 Международный семинар ООН по статисти-
ческому изучению семьи и семейного бюджета//
Советская этнография . № 4:147-149.

Комарова, Г.А.

1994 Женщина в условиях повышенной радиации //
Женщина и свобода. М.:Наука.

Комарова, Г.А.

2000. Дети и радиация: проблемы воспитания и
обучения// Современные проблемы воспитания.
М.: Педагогика.

Комарова, Г.А.

2002 Предтеча Чернобыля: М.:ИЭА РАН. 380 с.

Г. А. Комарова

Комарова, Г.А.

2003 Этнокультурные аспекты техногенной катастрофы (на материалах обследования населения Южного Урала). М.:ИЭА РАН.

Комарова, Г.А.

2004 Этнический аспект экологизации гуманитарного знания. В: М.Н.Губогло (ред.) Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии 120-153. М.: Наука.

Комарова, Г.А.

2004а Воспитание детей в первобытном обществе/ Педагогическая энциклопедия. М., Российская энциклопедия.

Комарова, Г.А.

2005 Этническая социология как междисциплинарное направление в советской этнографии // Bulletin of the National Museum of Ethnology 30(1):121-139.Осака.

Комарова, Г.А.

2009 Междисциплинарная интеграция отечественной этнографии и этносоциологии/ Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества. Казань: ИИ АН РТ.С. 42-52.

Комарова, Г.А.

2010 Этнография детства: междисциплинарные исследования (1960-80-е гг.). Вып.1.М.:ИЭА РАН.

Кон, И.С.

1967 Социология личности. М.: Наука.

Кон, И.С.

1977 Проблема детства в современной американской этнопсихологии: об исследованиях Беатрисы и Джона Уайтингов// СЭ 5:148-158.

Кон, И. С.

1978 Возрастные категории в науках о человеке и обществе//Социологические исследования 3:76-88.

Кон, И.С.

1978а Открытие «Я». М.: Политиздат. 367 с.

Кон, И.С.

1981 Этнография детства (проблемы методологии)// СЭ 5:3-14.

Кон, И.С. (отв. редактор и соавтор)

1983 Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.:Наука. 231 с.

Кон, И.С. (отв. редактор и соавтор)

1983 Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Наука. 192 с.

Кон, И.С.

1985 Этнография детства: состояние и перспективы // Вестник АН СССР 8.

Кон, И.С. (ред. совм. с А.М.Решетовым)

1988 Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 190 с.

Кон, И.С.

Г. А. Комарова

1988а Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 270 с.

Кон, И.С. (ред. совм. с Ч.М.Таксами, соавтор)

1988б Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука. 250 с.

Кон, И.С.

1988в Этнопедагогика/ Свод этнографических понятий и терминов. М. с. 110-111.

Кон, И.С.

1988г Маргарет Мид и этнография детства/ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. (Редактор-составитель и автор послесловия – И.С.Кон). М.: Наука, 429 с.

Кон, И.С.

1989 Психология ранней юности. М.: Просвещение, 255 с.

Кон, И.С.(ред. совм. с Н.А.Бутиновым, автор)

1992 Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М.: Наука, 191 с.

Кон, И.С.

1995 Несвоевременные размышления на актуальные темы// ЭО 1: 3-8.

Кон, И.С.

2003 Ребенок и общество. Учебное пособие для ВУЗов. М., Академия.

Кон, И.С.

2006 Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов-на-Дону: Феникс 605с .

Коршунова Н.Л.

1992 Зачем нужна однозначность научных понятий// Советская педагогика. 1992: 3-4.

Косвен, М.О.

1935 Аталычество//Советская этнография.1935: 2.

Косвен, М.О.

1946 Проблемы воспитания и психологии ребенка в свете этнографического материала//СЭ 2:227-229.

Косвен, М.О.

1948 Авункулат// СЭ 1.

Киржинов, С.

1975 Система воспитания адыгов - черкесов. Тбилиси.

Кузнецов, И.Д.

1981 Об изучении этнопедагогике чувашского народа/ Вопросы историографии историко-этнографического изучения чувашей. Чебоксары: НИИЯЛИЭ. С. 114-130.

Кукаркин-Шапиро, А.З.

1989 Методологические проблемы детства в историко-этнографической перспективе// Вопросы психологии. 3:176-178.

Мид, М.

Г. А. Комарова

1988 Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Наука, 429с. (Редактор-составитель и автор послесловия – И.С.Кон).

Маркарян, Э.С.

1974 Культурная традиция и задачи дифференциации ее общих и локальных проявлений. В: Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван.

Морозов, И.А.

1991 У бабушки за печкой. Завалюшка первая: Как наши бабушки учились выбирать // Новое в жизни, науке, технике. Серия «Наука убеждать: риторика». М.: Изд-во «Знание», № 10. С. 48-55.

Морозов И.А., Слепцова И.С.

1994 Забавы вокруг печки (Русские народные традиции в играх). М.: Изд-во «Роман-газета»,. 96 с.

Морозов И.А., Слепцова И.С.

1995 Не робей, воробей! Детские игры, потешки, забавушки Вологодского края. М.: ВНИЦНТ; РСЛФА; Изд-во «Лабиринт», 107 с.

Морозов, И. А.

2009 Рец. на: С. Б. Борисов. Энциклопедический словарь русского детства: В 2-х томах. Щадринск, 2008. Т. 1: А - Н. 520 с. Т. 2: О - Я. 520 с.// Этнографическое обозрение, No.3, 2009: 197-200.

Мухамбаева, А.Х.

1974 Национальные обычаи и традиции казахского народа и их влияние на воспитание детей и молодежи. М.

Намитоков, С.Ч.

1957 Адыгейская народная педагогика о воспитании детей//Сборник статей кафедры педагогики и психологии Адыгейского педагогического института. Майкоп.

Осорина, М.В.

1983 Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований (к проблеме этнографии детства)//СЭ 3:34-35.

Осорина, М.В.

1985 О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей. В: Этнические стереотипы поведения. Л.:Наука. С.47-64.

Осорина, М.В.

1999 Секретный мир детей в пространстве взрослых. СПб., 288 с.

Пашаева, Р.М.

1971 Некоторые вопросы трудового воспитания в этнопедагогике Дагестана. В: Единство национального и интернационального в коммунистическом воспитании. Орджоникидзе. с.76-78.

Певгова, Л.В.

1939 Национальные игры детей народов Севера. Л.:Наука.

Петровский А.В.

1991 Запрет на комплексное исследование детства // Репрессированная наука, Л.: Наука.,

Г. А. Комарова

с.126–135.

Пещерева, Е.М.

1957 Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков// Сб. МАЭ, т. ХУП.

Покровский, Е.А.

1884 Физическое развитие детей у разных народов, преимущественно России. М.

Покровский, Е.А.

1887 Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной). М.

Рейнсон-Правдин, А.Н.

1949 Игра и игрушка народов Обского Севера// СЭ 3:109-132.

Русский детский фольклор. От "вызываний" Пиковой дамы до семейных рассказов / Составитель - А. Ф. Белоусов. М., 1998.

Русские дети 2006 - Русские дети. Основы народной педагогики: Иллюстрированная энциклопедия / Авт. Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зими́на и др. СПб., 2006.

Русские крестьяне 2005 - 2007 - Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В. Н. Тенишева. Т. 1 - 5. СПб., 2005 - 2007.

Русский народ 2003 - Русский народ. Будни и праздники: Энциклопедия / Авт. -сост. И. И. Шангина. СПб., 2003.

Русский праздник 2001 - Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: Иллюстрированная энциклопедия / Авт. О. Г. Баранова, Т. А. Зими́на, Е. Л. Мадлевская и др. СПб., 2001.

Рыкин, П.О.

2005 Интервью редколлегии АФ// Антропологический форум. Специальный выпуск к VI КЭАР. СПб., с. 105-108.

Рюриков, Ю.В.

1977 Дети и общество // Вопросы философии. 4.

Северная, О.А.

1993 Этнология детства: (младенческий, ранний и дошкольный возраст): Российские этносы. М., 96 с.

Сергеева, Г.А.

1967 Аргинцы. М.

Сидельковский, А.П.

1985 О диалектике народной и научной педагогики. В: Социально-этнические основы интернационального воспитания. Орджоникидзе.

Сирина, А.А.

1993 Выдающийся этнограф и фольклорист Г.С.Виноградов (1887-1945)//ЭО 1:115-128.

Смиренин, В.В.

1967 К вопросу о кабардинской народной педагогике//Уч. зап. Северо-Осетинского пединститута 23. Владикавказ.

Смирнова, Я.С.

Г. А. Комарова

1962 Воспитание ребенка у абхазов. КСИЭ
XXXУ. М.

Смирнова, Я.С.

1967 Воспитание ребенка в адыгейском ауле//
Уч. зап. Адыгейского НИИЯЛИ УП. Майкоп.

Снежкова, И.А.

1982 К проблеме изучения этнического самосо-
знания у детей и юношества. СЭ 1:80-88.

Стракач, Ю.Б.

1959 К вопросу о производственных традициях
эвенков. КСИЭ АН СССР XXXУП. М.

Стракач, Ю.Б.

1962 Традиции трудового воспитания народов
Таймыра в наше время// СЭ 3.

Стракач, Ю.Б.

1966 Народные традиции и подготовка совре-
менных промыслово-сельскохозяйственных кад-
ров. Новосибирск.

Субботский, Е.В.

1984 История детства: этнография и психология
// Вопросы психологии 3:162- 164.

Таксами, Ч.М.

1967 Нивхи. Л.

Толеубаев, А.

1978 Пережитки домусульманских верований и
обрядов в семейном быте казахов конца XIX -
начале XX вв. Алма-Ата.

Турсунов, П.

1968 Таджикские национальные виды спорта и игры и их педагогическое значение. Душанбе.

Троицкая, А.Л.

1935 Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана//СЭ 6.

Ушинский, К.Д.

1948 Собрание сочинений. Т. 2. М.-Л.:АПН РСФСР.

Федянович, Т.П.

1979 Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка//СЭ 2.

Хадиков, Х.Х.

1971 К вопросу о предмете и источниках этнопедагогике осетин. Орджоникидзе.

Ханбиков, Я.И.

1954 Татарская народная педагогика//Советская школа 5. Казань.

Ханбиков, Я.И.

1967 Из истории педагогической мысли. Казань.

Ханбиков, Я.И.

1976 Народная педагогика// Педагогическая энциклопедия. Т.3. М.: «Советская энциклопедия с.35-36.

Харузина, В.Н.

1991 Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни // ЭО 1-2:1-78.

Харузина В.Н.

Г. А. Комарова

1912 Игрушка малокультурных народов. В: (Н.Д.Бартрем, ред.). Игрушка. Ее история и значение. М.

Хинктибидзе, А.Ф.

1961 Идеи воспитания в грузинском народном эпосе. Тбилиси.

Христова Е.Л.

1989 Об уточнении понятийного аппарата этнопедагогика // Советская педагогика. № 7.

Христова Е.Л.

1988 Народная педагогика: Историографические и теоретико-методологические проблемы // Автореф. Дис.канд. пед. наук. С.45.

Христолюбова, Л.С.

1970 Семейные обряды удмуртов (опыт количественной характеристики). Историко-этнографический очерк. М.

Шабаева, М.Ф.

1971 К вопросу об изучении народной педагогики. Череповец. с.339.

Ширбаев, М.Ш. 1957 Роль народных традиций в воспитании культуры поведения у детей//Труды Узбекского гос. университета им. А.Навои. 70. Самарканд.

Элашвили, Э.И.

1973 Традиции грузинской народной физической культуры и современность. Тбилиси.

Эланго, А.Ю.

1971 О трудовом воспитании в эстонской народной педагогике. В.: Единство национального и интернационального в коммунистическом воспитании. Орджоникидзе.

Эльконин, Д.Б.

1978 Психология игры. М.

Эпштейн М.

1979 Образы детства // Новый мир. № 12. С. 242–257.

Joseph M. Hawes and N. Ray Hiner (Ed.)

1991 Children in Historical and Comparative Perspective. An international handbook and research guide. N.Y.; Westport; Connecticut; London, 1991. P. 471.

Gerd, K.

1993 Ethnographica. Человек и его рождение у восточных славян. Helsinki.

Greenfeld, L.

1988 Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union// Annual Review Sociology 14:99-123.

Keith, Thomas,

1963 History and Anthropology// Past and Present. № 24. P.3-24.

Michalickcka, M.

1985 Pedagogika. Praha. С. 475-482.

Whiting B.B., Whiting J. W.

1975 Children of six cultures. A psycho-cultural analysis. Cambridge.

Valsiner, J.

Г. А. Комарова

1988 *Developmental Psychology in the Soviet Union*. Bloomington: Indiana University Press. P.303-306.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Многочисленные и разнообразные исследования мира детства в отечественной науке продолжаются и в наши дни. Об этом ярко свидетельствует публикуемый в качестве приложения «Библиографический указатель исследований детства в отечественной науке (1990 – 2000-е гг.)». Он носит междисциплинарный характер и содержит список работ, изданных на русском языке за последние два - три десятилетия. При составлении списка использовались электронные ресурсы, научные публикации и справочно-библиографическая литература. Не являясь репрезентативной библиографией, тем не менее, «Библиографический указатель исследований детства» может послужить справочно-информационным введением в тему «Этнография детства: междисциплинарные исследования (1990-2000-е гг.)».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ исследований детства в отечественной науке (1990-2000-е гг.)

Агамова Н.С., Морозов И.А., Слепцова И.С. Народные игры для детей (организация, методика, репертуар). Сборник игр, развлечений и материалов для курсов повышения квалификации организаторов досуга и игр. М.: ГРЦРФ, 1995. 174 с.

Аксенова Ю.А. Символы мироустройства в сознании детей. Екатеринбург: Деловая книга. 2000.

Актуальные проблемы современного детства: сб. науч. трудов/ Под ред. Е.М. Рыбинского. Вып. 1. М., 1992. 71 с.

Архетип детства: дети и сказка в культуре, литературе, кинематографии и педагогике (памяти А.А. Роу): научно-художественный альманах / Сост. В.П. Океанский, А.В. Тарасов. [Вып. 1.] Иваново: Ивкиносервис, 2003. 414 с.

Архетип детства: дети и сказка в культуре, литературе, кинематографии и педагогике (памяти А.А. Роу): научно-художественный альманах / Сост. В.П. Океанский, А.В. Тарасов. [Вып. 2.] Иваново: Ивкиносервис, 2004. 258 с.

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Пер. Я.Ю. Старцев, В.А. Бабинцев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 415 с.

Байбурин А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Отв. ред. А.К. Байбурин, И.С. Кон. СПб., 1991. С. 257–265.

Балашов Е.М. Контуры будущего гражданина: новые и традиционные элементы в явлениях детского сознания, 1917–1920-е годы // Нестор. 2001. № 1. С. 150–193.

Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917–1927. Становление «нового человека». СПб., 2003. 236 с.

Баранов Д.А. "Незнакомые" дети (к характеристике образа новорожденного в русской традиционной культуре) 1998. № 4:110-122.

Баранов Д.А., Баранова О.Г., Зими́на Т.А. и др. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005.

Баранов Д.А., Баранова О.Г., Зими́на Т.А. и др. Русские дети. Основы народной педагогики: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2006.

Безрогов В.Г. Воспоминания о детстве как источник по истории религиозной социализации в христианской культуре (XVII–XX вв.) // Вестник Университета РАО. 2002. № 3. С. 93–125.

Безрогов В.Г. Память о военном детстве (свидетельства детей 40-х гг.) // Вестник Университета РАО. 2005. № 2 (28). С. 66–79.

Безрогов В.Г., Зубарева Т.И. Детство короля Кормака и сакрализация власти в ранней Ирландии // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Части 2 и 3. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2005. С. 55–74.

Белик А.А. Детство как проблема антропологии. / Белик А.А., Резник Ю.М. Социокультурная антропология М.: МГСУ Союз. 1998. С. 296 - 316.

Белик А.А. Детство как феномен культуры. В: Культурология. Антропологические теории культур. М.: Открытое общество. 2000. С. 107-123.

Белковская Л.Г. и др., Война глазами детей: сб. документов. Калуга: Гос. архив Калужской области, 1993. 158 с.

Белоусов А.Ф. Русский школьный фольклор // НЛО. 2002. № 58. С. 279–311.

Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 400 с.

Бондарь С.Ю. Тема детства в автобиографических повестях С. Аксакова и Л. Толстого // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1992. С. 77–85.

Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск: Исеть, 2006. 548 с.

Борисов С.Б. Морфология и генезис девичьей составляющей современной неофициальной детско-подростковой культуры [Электронный ресурс] //anthropology. u/ru/texts/borissv/girlhd_0.html.

Борисов С.Б. Латентные механизмы гендерной социализации детей и подростков. Шадринск, 2001.

Борисов С. Б. Мир русского девичества: 70 - 90-е годы XX века. М., 2002.

Белоусов А.Ф. Русский детский фольклор. От "вызываний" Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998.

Бреева Е.Б. Дети в современном обществе. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 212 с.

Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л., Пространственное поведение у детей и подростков (на примере русских и осетин) // Этнографическое обозрение. 2010. № 3:77-91.

Бутовская М.Л., Артемова О.Ю., Арсенина О.И. Полоролевые стереотипы у детей Центральной России в современных условиях // Этнографическое обозрение. 1998. № 1.

Бутовская М.Л., Артемова О.Ю. Дети Калмыкии: труды и игры// Этнографическое обозрение. 2000. № 3:30-45.

Бутовская М.Л., Буркова В.Н. Церемонии включения и отделения ребенка как обряды перехода у датого Северной Танзании// Этнографическое обозрение. 2009. № 2:51-67.

Бутовская М.Л., Козинцев А.Г. Агрессия и примирение у школьников младшего возраста (этологический анализ механизмов контроля социальной напряженности в человеческих коллективах) // Этнографическое обозрение. 1998. № 4:122-139.

Бутовская М.Л., Бойко Е.Ю. Родительский фаворитизм и особенности формирования стилей поведения у детей в зависимости от порядка рождения: биосоциальные аспекты // Этнографическое обозрение. 2001. № 6: 67-81.

Бутовская М.Л., Дорфман В.В. Возрастные и гендерные различия в представлениях о смешном и грустном у детей (по материалам рисуночных тестов) // Этнографическое обозрение. 2004. № 2:38-57.

Бутовская М.Л., Луценко Л.Е., Ткачу К.Е. Буллинг как социокультурный феномен и его связь с чертами личности у младших школьников // Этнографическое обозрение. 2012. № 5: 139–150.

Бутуева Т.Д. Феномен детства в традиционной культуре монгольских народов. 2004. 209 с.

Бюхнер П., Крюгер Г.-Г., Дюбуа-Реймон М. «Современный ребенок» в Западной Европе // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 128–134; № 5. С. 140–147.

Вишневская В.И., Бутовская М.Л. Феномен школьной травли: агрессоры и жертвы в россий-

ской школе // Этнографическое обозрение. 2009. № 2:55-68.

Велькович С. Образ ребенка в рекламе на российском телевидении: особенности отношения телезрителей Иерусалима и Москвы // Этнографическое обозрение. 2007. № 1:95-119.

Винни Пух и философия обыденного языка. Алан Милн. Winnie Пух. Дом в Медвежьем Углу. Пер. Т.А. Михайловой и В.П. Руднева. 3-е изд. М.: Аграф, 2000. 320 с.

Виноградов Г.С. Детские тайные языки: Краткий очерк // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: Ладомир, ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998.

Виноградов Г.С. «Страна детей»: избранные труды по этнографии детства / СПб., «Историческое наследие». 1999. 547 с.

Виноградов, Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М., Вост. лит., 2009. 896 с.

Галасьева Г.В. Мир детства в художественной прозе А. Платонова // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1995. С. 91–97.

Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей. М.: ИЭА РАН. 1993.

Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 335 с.

Гензбиттель М. На стороне ученика. СПб.: Светлячок, 1998. 224 с.

Головин В. Девичий альбом 20–30-х годов XX века // НЛО. № 26. 1997. С. 400–417.

Головин В.В. К вопросу о детском обычном праве // Экономика и право в зеркале культуры (Россия и Запад). Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6–8 мая 2002 г.) / Отв. ред. И.О. Ермаченко. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С.273–293.

Гучинова, Э.- Б., М. Память в наследство. Школьные сочинения о депортации. СПб.:Алтейя. 2005.

Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы. В 3 т. М., 1995.

Дети ГУЛАГа: 1918–1956 гг. / Сост. С.С. Виленский и др. Серия: Россия: XX век. М.: МФД, 2002. 631 с.

Дети и юношество в США: через библиотеку к будущему/сост.-В.П. Чудинова, Р.З. Панова. М.: Пашков дом, 2003.

Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. М.: ТЕРРА, 1997.

Дети эмиграции. М.: Аграф, 2001.

Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства/Сост. Е.В. Кулешов, И.А. Антипова. М., 2003.

Детский фольклор и культура детства. XIII Виноградовские чтения. Материалы научной конференции. СПб.: СПбГУКИ, 2006. 272 с.

Детство и «открытое общество». Философские и культурологические аспекты. VI Международная конференция «Ребенок в современном мире» /ред. К.В. Султанов. СПб.: РГПУ, 1999. 201 с.

Детство в контексте культуры и образования. Материалы X Международной конференции «Ребенок в современном мире. Культура и детство» 16–18 апреля 2003 года / ред. К.В. Султанов. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003. 447 с.

Детство в глобальном информационном пространстве. Материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации» 18–20 апреля 2007 года / ред. К.В. Султанов. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. 447 с.

Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа/ Отв. ред. Р.Р. Рахимов. СПб., 1998.

Долганова Л.Н., Морозов И.А., Минасенко Е.Н. Игры и развлечения удмуртов: история и современность. М.: ИЭА РАН, 1995. 312 с. [серия «Библиотека российского этнографа». Институт этнологии и антропологии РАН. Удмуртский республиканский центр народного творчества и научно-методической работы].

Долганова Л.Н., Морозов И.А. Игры и развлечения удмуртов. 2-е изд., доп. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002. 384 с.

Долгов В.В. Детство как социальный феномен в контексте древнерусской культуры XI–XIII в.: отношение к ребенку в стадии взросления // Социальная история. Ежегодник 2007. М., 2008. С. 69–84.

Егорова М.С. и др. Из жизни людей дошкольного возраста. Дети в изменяющемся мире. СПб.: Алетейя, 2001. 239 с.

Егорова О.В. Социализация девочек в чувашской деревне в середине XIX - начале XX вв. Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары, 2000. С. 105 - 111.

Егорова О.В. Родильные обряды и поверья у чувашей/ Этнология религии чувашей. Вып. 1, Чебоксары, 2003. С. 16 - 56.

Егорова О.В. Имянаречение как особый обряд родильного цикла чувашей // Семья в России. № 2, М., 2006. С. 74-80.

Егорова О.В. "Мужское" в традиционной родильной обрядности чувашей// Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь. Сост.- Д.В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2007. С.9-10.

Егорова О.В. Обычаи и обряды, связанные с родами, уходом за новорожденными и лечением

детских болезней в среде закамских чувашей (По материалам полевых исследований) // Чувашский гуманитарный вестник. № 1. 2006. С.62-74;

Егорова О.В. Гендерная социализация детей в традиционной чувашской семье// Социальная педагогика: проблемы социализации детства: Материалы международной научно-практической конференции 29-31 марта 2007 г. Саратов: ООО "Издательский Центр "Наука", 2007.

Егорова О.В. Обычаи и обряды, связанные с предупреждением выкидышей и смерти детей в традиционной культуре чувашей// Конструкты пространства культуры XXI века: международный сборник научных статей. В 3 ч. Ч.1. Теория и методология культуры /Науч.ред. О.Н. Судакова. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ. С. 137-148.

Егорова О.В. Этнография детства чувашей по данным автобиографий // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. - СПб., 2009. - № 93. - С. 21-28.

Егорова О.В. Физическое развитие ребенка и охрана здоровья детей в традиционной культуре чувашей Волго-Уралья. Чебоксары: Новое время, 2010. 100 с.

Егорова О.В. Традиционная родильная обрядность чувашей Волго-Уралья. Чебоксары: Новое время, 2010. 170 с.

Егорова О.В. Традиционная детская одежда чувашей// Традиционная культура. 2012. № 4 (48). С. 50-55.

Егорова О.В. Детская обрядность узбеков, проживающих в Чувашии// Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Самара, 2013. С. 118-121.

Еремина И.В., сост. Детство и юность российских императоров: Повести. Рассказы. Воспоминания. Записки. М.: Школа-Пресс, 1997. 543 с. (Круг чтения: школьная программа).

Журавлев С.В. Соколов А.К. «Счастливое детство» // Социальная история. Ежегодник, 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 159–202.

Закурдаев А.А. Дети и детство в представлениях китайцев: прошлое и настоящее// Этнографическое обозрение. 2011. № 6: 100–111.

Закурдаев А.А. Школа и школьник в китайской концепции образования: традиции и современность // Этнографическое обозрение. 2012. №5:104–118.

Золотухина М.В. Мир американской семьи. М.:ИЭА РАН.1999. 320с.

Иванова А.В. Особенности и значение детской субкультуры // Педагогика. 2005. № 7. С. 31–37.

Иванова И.А., Никифорова С.В. Убитое детство: сборник воспоминаний бывших детей-узников фашистских концлагерей. Вып. 1. СПб: ИНКО, 1993. 112 с.

Игра: Мыслители прошлого и настоящего о ее природе и педагогическом потенциале: хрестоматия/ Сост. Е.А. Репринцева. Курск: КГУ, 2005. 404 с.

Игра со всех сторон. Книга о том, как играют дети и прочие люди. М.: Прагматика культуры, 2003.

Игры детские. Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001.

Игрушки. Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001.

Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.

Имянаречение. Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001.

Исаев В.И. Молодежь Сибири в условиях формирования сталинской модели социализма (1920–1930-е гг.). Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000.

Казанцева О.В. Влияние современных мифов на формирование бессознательного образа тела подростков // Семейная психология и семейная психотерапия. 4. 2000. С. 35–58.

Калюта А.В. Социализация детей у индейцев науа в позднем предколониальном периоде (вторая половина XV- первая половина XVI вв.)// Этнографическое обозрение. 2002. № 2:23-36.

Капица О.И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение, собрание, обзор материала. Л.: Прибой, 1928. 222 с.

Карабулатова И.С. Территория детства как этнолингвокультурный феномен : заговоры, обряды и колыбельные народов Тюменской области. Тюмень. 2005. 258с.

Каракан Т.А. Категория детства в романе Замятина «Мы» // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1992. С. 17–25.

Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

Кашуба, М.С., Мартынова М.Ю. (ред.). Рождение ребенка в обычаях и обрядах: страны зарубежной Европы. М.: Наука. 1997.

Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 218–251.

Келли К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России) // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М.: РОССПЭН, 2003. С. 385–410.

Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // Антропологический форум. 1. 2004. С. 104–155.

Клявина И.И. Культура детства. Части 1 и 2. Кемерово: КемГУКИ, 2004–2005.

Кноп Г. «Дети» Гитлера. М.: Олма-Пресс, 2004. 285 с.

Козлов В.А., Семенова Е.А. Социология детства (Обзор социолого-педагогических исследований 20-х годов) // Школа и мир культуры этносов: Труды Ин-та национальных проблем образования. Владикавказ: Ир, 1994. С. 31–55.

Комарова Г.А. Этнография детства: междисциплинарные исследования (1960-80-е гг.) М.:ИЭА РАН. 2010.

Кон И.С. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии/ред. И.С.Кон и Н.А.Бутинов. М.: Наука, 1992. 191 с.

Кон И.С. Ребенок и общество. Учебное пособие для ВУЗов. М., Академия.2003.

Кон И.С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов-на-Дону: Феникс.2006. 605с .

Кошелева О.Е. История детства – опыт зарубежной историографии // Педагогика. 1996. № 3. С. 81–86.

Кошелева О.Е. Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до петровского времени // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М.: РОССПЭН, 2000.

Кошелева О.Е. «Свое» детство в Древней Руси и в России эпохи Просвещения. М.: УРАО, 2000. 320 с.

Культурантропология детства. Материалы второй студенческой научной конференции на филологическом факультете ШГПИ 7–10 декабря 2004 года. Шадринск: ШГПИ, 2005. 20 с.

Кудрявцев В.Т. Смысл человеческого детства и психическое развитие ребенка. М.: УРАО, 1997. 156 с.

Кудрявцев В.Т. Культурно-исторический статус детства: эскиз нового понимания // Психологический журнал. 1998. № 3.

Кудрявцев В.Т. Культурно-исторические истоки развитого детства // Журнал прикладной психологии. 2. 1999. С. 44–66.

Куруленко Э.А. Историческая эволюция детства. Социокультурный аспект // Социология. Вестник СамГУ. 1998. № 1 .

Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 160 с.

Леонтьева С.Г. Трудовое детство // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 323–332.

Леонтьева С.Г. Пионер — всем пример // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 249–259.

Лич П. Младенец и ребенок: От рождения до 5 лет. 2-е изд. М.: Педагогика Пресс, 1992. 304 с.

Лойтер С.М. Детский фольклор в истории русской культуры // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах: (история, теория, педагогическая практика): Материалы научной конференции (4–7.09.2000). Петрозаводск, 2001. С. 37–42.

Лойтер С.М. Русская детская литература XX века и детский фольклор. Петрозаводск. 2002.

Лопуха А.О. Мир детства в творчестве А.С. Грина // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1989. С. 20–23.

Лурье М.Л. Садистский стишок в контексте городской фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое//АФ.2007. № 6:287-309.

Макарова Ф.Р. К. Паустовский и А. Грин: «Память детства» и истоки романтизма // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1987. С. 58–70.

Мальчики и девочки: реалии социализации. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. 373 с.

Маркова Е.И. Философия детства в романе А. Толстого «Петр Первый» // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1979. С. 142–152.

Механизмы социализации детей и подростков в Зауралье в конце XX века. Материалы Центра культурно-антропологических исследований ШГПИ /Составитель - С.Б. Борисов. Шадринск: ШГПИ, 2007. 56 с.

Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 429с. (Редактор-составитель и автор послесловия – И.С.Кон).

Миллар С. Психология игры. СПб.: Университетская книга, 1999.

Мир детства и традиционная культура. Материалы III чтений памяти Г.С. Виноградова / Сост. В.М. Григорьев, М.А. Мухлынин. М.: Всеросс. научно-метод. центр народного творчества и культурпросветработы, 1990. 175 с.

Мир детства: Дошкольник/ Под ред. А.Г. Хрипковой; Отв. ред.- А.В. Запорожец. М., 1979.

Мир детства: Младший школьник/ Под ред. А.Г. Хрипковой; Отв. ред. В.В. Давыдов. М., 1981.

Мир детства: Подросток / Под ред. А.Г. Хрипковой; Отв. ред. Г.Н. Филонов. М., 1982.

Мировая словесность о детях и для детей (Москва). Конференция и сборники.

Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма). М.: Изд-во «Индрик», 2011. 352 с.

Морозов И.[А.] Анализ понятия «кукла» в русской культуре XIX — XX веков // Художественная кукла. Истоки и современность. М.: Изд-во «Дизайн-Хаус», 2011. С. 8-33.

Морозов И.А. Игра «в свадьбу» как пережиточная форма переходно-посвятительных обрядов // Мир детства и традиционная культура. Сборник

научных трудов и материалов. Вып. 2. М. : ГРЦРФ, 1996. С. 139-146.

Морозов И.А. Игровой «дом» (в контексте современных детских игровых практик) // Очерки русской народной культуры / Отв. ред. и сост. И.В. Власова. М.: Наука, 2009. С. 737-779.

Морозов И.А. Игровые формы свадьбы в системе традиционных «переходных» обрядов // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 1995. № 2. С. 21-26.

Морозов И.А. Отрок и сиротинушка (возрастные обряды в контексте сюжета о «похищенных детях») // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М.: Изд-во «Лабиринт», 2001. С. 58-70.

Морозов И.А. Роль куклы в онтогенезе // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2006. № 1. С. 15-18.

Морозов И.[А.] Странная игрушка: могут ли мальчики играть с куклами? // Художественная кукла. Истоки и современность. Кукла и социум. М.: Изд-во «Дизайн-Хаус», 2012. С. 16-27.

Морозов И.А. Трансформация личности в игре: игра с куклой // Личность: игра и реальность. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 65-88.

Морозов И.А. Феномен куклы и проблема двойничества (в контексте идеологии антропоморфизма) // Живая кукла. Сборник статей / Сост.

и общ. ред. С.Ю. Неклюдова, Д.Н. Мамедовой. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 11-74.

Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 252 с.

Недель А. Размещаясь в неизбежном. Эскиз сталинской метафизики детства // Логос. 2003. № 3 (24).

Нечаева А.М. Дети — сироты в России (после-октябрьский период) // Государство и право. 1993. № 1. С. 120–127.

Одаренные дети. Под ред. Г.В. Бурменской и В.М. Слуцкого. М.: Прогресс, 1991. 376 с.

Омельченко Е.Л. От субкультур – солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности// ЭО, 2014 г., № 1.

Омельченко Е.Л. Молодежь. Открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004.

Омельченко Е.Л.. С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма. Ульяновск.: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2012.

Омельченко Е.Л., Сабирова Г.А. Молодежный вопрос: смена оптики. От субкультур – к солидарностям // Новые молодежные движения и солидарности России / Ред. Е.Л. Омельченко, Г.А. Сабировой. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2011.

Осорина М.В. О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей // Этнические стереотипы поведения / Под ред. А.К. Байбурина. Л.: Наука, 1985. С. 47–64.

Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 1999. 288 с.

Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (III–XVI вв.). М.: УРАО, 2001.

Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве эпохи рационализма и Просвещения (XVII–XVIII вв.). М.: УРАО, 2001. 170 с.

Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях / В.Г. Безрогов и др. М.: УРАО, 2001. 190 с.

Петровский А.В. Запрет на комплексное исследование детства // Репрессированная наука, Л.: Наука, 1991, с.126–135.

Постман Н. Исчезновение детства // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 17–30.

Потапова М. Раздельное обучение мальчиков и девочек в советской школе (1943–1954) // Гендерное устройство: социальные институты и практики. Сб. ст. под ред. Ж. Черновой. СПб., 2005. С. 100–130.

Природа ребенка в зеркале автобиографии / Под ред. Б.М. Бим-Бада, О.Е. Кошелевой. М.: Изд-во УРАО, 1998.

Радецкая К.В. Этнография детства сельского населения Печорского района Псковской области. URL: <http://www.history.pu.ru/biblioth/ethnogr/konfer/1998.htm#043>

Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков / Отв. ред. М. Барретт и др. М.: Ин-т психологии РАН, 2001.

Ребенок в современном мире. Дети и город. СПб., 2002. 559 с.

Рогачев В.А. Проблемы становления и развития русской советской детской поэзии 20-х годов: Жанрово-стилевые аспекты. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. 136 с.

Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Краснодар: Перспективы образования, 2002. В 2 т. 408+208 с.

Рокутова О.А. Военное детство на страницах журнала «Советская педагогика» 1941–1945 гг. // Историко-археологические изыскания: сборник науч. трудов мол. ученых. Вып. 6. Самара: Изд-во СамГПУ, 2004. С. 122–129.

Русский детский фольклор. От "вызываний" Пиковой дамы до семейных рассказов / Составитель - А. Ф. Белоусов. М., 1998.

Русские дети. Основы народной педагогики: Иллюстрированная энциклопедия / Авт. Д. А. Ба-

ранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зими́на и др. СПб.: Искусство. 2006.

Русские крестьяне 2005 - 2007 - Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В. Н. Тенишева. Т. 1 - 5. СПб., 2005 - 2007.

Русский народ 2003 - Русский народ. Будни и праздники: Энциклопедия / Авт. - сост. И. И. Шангина. СПб., 2003.

Русский праздник 2001 - Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: Иллюстрированная энциклопедия / Авт. О. Г. Баранова, Т. А. Зими́на, Е. Л. Мадлевская и др. СПб., 2001.

Рублев К.А. Дети как критерий нравственности в современной советской научной фантастике // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1987. С. 115–125.

Рыбинский Е.М. Социально-правовые проблемы детства. М.: Социум, 1999.

Рябинина Н.В. Детский дом в теоретических построениях системы воспитания «нового человека» послереволюционной России // Век нынешний, век минувший. Вып. 2. Ярославль, 2000. С. 70–79.

Рябинина Н.В. Социальная политика Советской России (окт. 1917 — 1920-е годы). Женщины, семья и дети в новом обществе. Ярославль, 2004.

Савина Л.Н. Автор и герой в повести «Детство Темы» // Русская речь. 1. 2002. С. 3–10.

Г. А. Комарова

Салова Ю.Г. Детский досуг в Советской России (1920-е годы): Учеб. пособие. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2000. 135 с.

Салова Ю.Г. Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е годы. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2001.

Сальникова А.А. «Геенна огненная»: детское восприятие раннего советского периода // *Ab Imperio*. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. 2002. № 3. С. 321–352.

Сальникова А.А. Детство как миф: некоторые аспекты изучения российско-советского детства в зарубежной историографии // *Clio Moderna*. Зарубежная история и историография. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 107–119.

Сальникова А.А. Немного о «красном революционном козле», или девочки–современницы о символах и образах революции 1917 года // *Адам и Ева: альманах гендерной истории*. 2002. № 3.

Сальникова А.А. Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России 1917–1920-х гг. // *Социальная история*. Ежегодник, 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2002. С. 324–354.

Сальникова А.А. Трансформация идеалов и жизненных ценностей русской девочки/девушки в первое послеоктябрьское десятилетие // *Социаль-*

ная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М.: РОССПЭН, 2003. С. 411–435.

Сальникова А.А. Язык революции 1917 года в «детских» текстах // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 12. М., 2004. С. 117–135.

Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань: КГУ, 2007. 256 с.

Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства: лекции по историографии и культурной истории детства: учеб. пособие. М.: Академический проект, 2004. 489 с.

Свердлов М.И. Тема детства в английской оде XVII — начала XIX в. Автореф. дисс. канд. фил. наук. М., 1995.

Северная О.А. Этнология детства: (Младенческий, ранний и дошкольный возраст): Российские этносы. М., 1993. 96 с.

Сергей Борисович Борисов. Библиографический указатель научных трудов. Сост. Е.А. Буракова. Щадринск: ШГПИ, 2006. 88 с.

Сигал М. Ребенок играет: от рождения до года. СПб.: Питер, 1996.

Сигал М., Адкок Д. Ребенок играет: от года до двух лет. СПб.: Питер, 1996.

Сигал М., Адкок Д. Ребенок играет: от двух до трех лет. СПб.: Питер, 1996.

Г. А. Комарова

Сигал М., Адкок Д. Ребенок играет: от трех до пяти лет. СПб.: Питер, 1996.

Слободская Е.Р., ред. Детство идеальное и настоящее. Новосибирск, 1994.

Смирнова Е.Р. Семья нетипичного ребенка: Социокультурные аспекты. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1996. 192 с.

Смирнова Т.М. Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921–1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2002. С. 486–528.

Смирнова Т.М. «Лучше вывести и расстрелять»: советская власть и голодные дети (1917–1923гг.) // Ежегодник историко-антропологических исследований. М., 2003. Вып. 2. С. 226–245.

Соловьева Л.Т. Грузия. Этнография детства. М., 1995.

Тендрякова М.В. Первобытные возрастные инициации в круге "вечных" вопросов // Этнографическое обозрение. 2014. № 1: 91-101.

Традиционная культура и мир детства. XI Виноградовские чтения. Материалы. Части 1–3. Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1998.

Традиционная культура и дети. Краснодар: Изд-во Кубанского ун-та, 1994.

Феденок Ю.Н. Коммуникативное поведение русских школьников (сравнительный аспект) // Этнографическое обозрение. 2012. №2:119–138.

Фельдштейн Д.И. Социальное развитие в пространстве - времени Детства. М.: Московский психолого-социальный институт. Флинта, 1997. 160 с.

Философия образования и мир детства. Материалы XI Международной конференции «Ребенок в современном мире» / Гл. ред. К.В. Султанов. СПб.: СПбГПУ, 2004. 822 с.

Форстер Й. Детство и воспитание. Эволюционная педагогика как тема антропологической науки. М.: Изд-во РГГУ, 2005. 62 с.

Цаллагова З.Б. Этнопедагогическая афористика// Этнографическое обозрение. 2000. № 5:70-78.

Циркин С.Ю., ред. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста. СПб.: Питер, 1999. 752 с.

Чередникова М.П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, Магия, Миф в детской культуре). М.: Лабиринт, 2002. 224 с.

Чернявская И.С. Воспоминания о детстве В. Катаева и Ю. Олеши // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1976. С. 149–168.

Чеснов Я.В., Селина Т.И. Мир детства в социоэтнологическом исследовании // Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования. Т. IV. Вып. VI. Под ред. В.С. Собкина. М.: ЦСО РАО, 1998. С. 8–36.

Шантаев Б.А. Этнография детства у калмыков//Гуманитарная культура и этноидентификация. - 2005. - Вып. 2. - С. 127-133.

Широкова З.А. Детская одежда таджиков и связанные с ней обряды // Этнографическое обозрение. 2002. 4. С. 83–88.

Шкурина Т.Г. Роль возрастной инициации в процессе социализации ребенка // Этнографическое обозрение. 2014. № 1: 77-90.

Шмидт С.О. Становление творческой личности А.С. Пушкина: московское детство // Развитие личности. 2002. 1. С. 96–118.

Щеглова С.Н. Социология детства. М.: Социум, 1996. 128 с.

Щеглова С.Н. Детство: методы исследования: учебное пособие. М.: Социум, 1999. 173 с.

Щеглова С.Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: Юнпресс, 2000.

Щеглова С.Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. М.: Социум, 2001. 84 с.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато: АСТ: Фонд Университетская книга, 2000. 592 с.

Этнография детства Традиционные методы воспитания у народов Австралии, Океании и Индонезии/ред. И.С.Кон. М., 1992.

Этнография детства. Сб. фольклорных и этнографических материалов / Запись, сост., аннот. Г.М. Науменко. М., 1998.

Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): I и II межведомственные науч. конф. аспирантов и студентов. - СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998.

Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология: ежегодник, 2003/2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 345–351.

Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. Том 4, №№ 3-4. С.158-182.

Яхно О.Н. Новое отношение горожан к детству на рубеже XIX–XX вв. // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Мат-лы Пярых Сибирских чтений, Санкт-Петербург, 17–19 окт. 2001 г. СПб., 2004. Ч. 1. С. 190–193.

Список сокращений

АА – архив автора

АН – Академия наук

АПН РСФСР – Академия педагогических наук
Российской Советской Федеративной Социали-
стической Республики

АРГО – Архив Русского географического обще-
ства

АФ – Антропологический Форум

БСЭ – Большая советская энциклопедия

ВГО – Всесоюзное географическое общество

ВИ – Вопросы истории

ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии,
этнографии Дагестанского научного центра РАН

ИИЯЛ БНЦ РАН – Институт истории, языка и ли-
тературы Башкирского научного центра Акаде-
мии наук СССР

ИЭ АН СССР – Институт этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии
Российской Академии наук

КГУ – Курский государственный университет

КСИЭ – Краткие сообщения ИЭ АН СССР

КПСС – Коммунистическая партия Советского
Союза

ЛГУ – Ленинградский государственный универси-
тет

ЛО ИЭ АН СССР – Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН

МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

НА ИЭА РАН – научный архив ИЭА РАН

НИИЯЛИЭ – научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, экономики

ОИФНРАН – отделение историко-филологических наук РАН

ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, археологии и этнографии при Московском университете

РАН – Российская академия наук

РГБ – Российская государственная библиотека

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

РГО – Российское географическое общество

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

ПМА – полевые материалы автора

ПИИЭ – Полевые исследования Института этнографии АН СССР

Сб. МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР

СЖС – Сибирская живая старина. Иркутск

Социс – Социологические исследования

СЭ – Советская этнография

Г. А. Комарова

УРАО – Университет Российской Академии образования

ШГПИ – Шадринский государственный педагогический институт

ЦИМО ИЭА РАН – Центр по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН

ЦК ВКП (б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

ЭО – Этнографическое обозрение

КОМАРОВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

**Этнография детства:
междисциплинарные исследования**

Второе издание

**Компьютерная верстка – В.В. Комаров
Технический редактор – Е.Е. Беляева**

*На обложке: мозаичное панно «Дети разных народов»
(детский санаторий «Солнышко» г. Майкоп)*

Подписано к печати 21.02.2014. Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. 9,5. Заказ № 458 Тираж 300 экз.

Типография ООО Интер-принт